

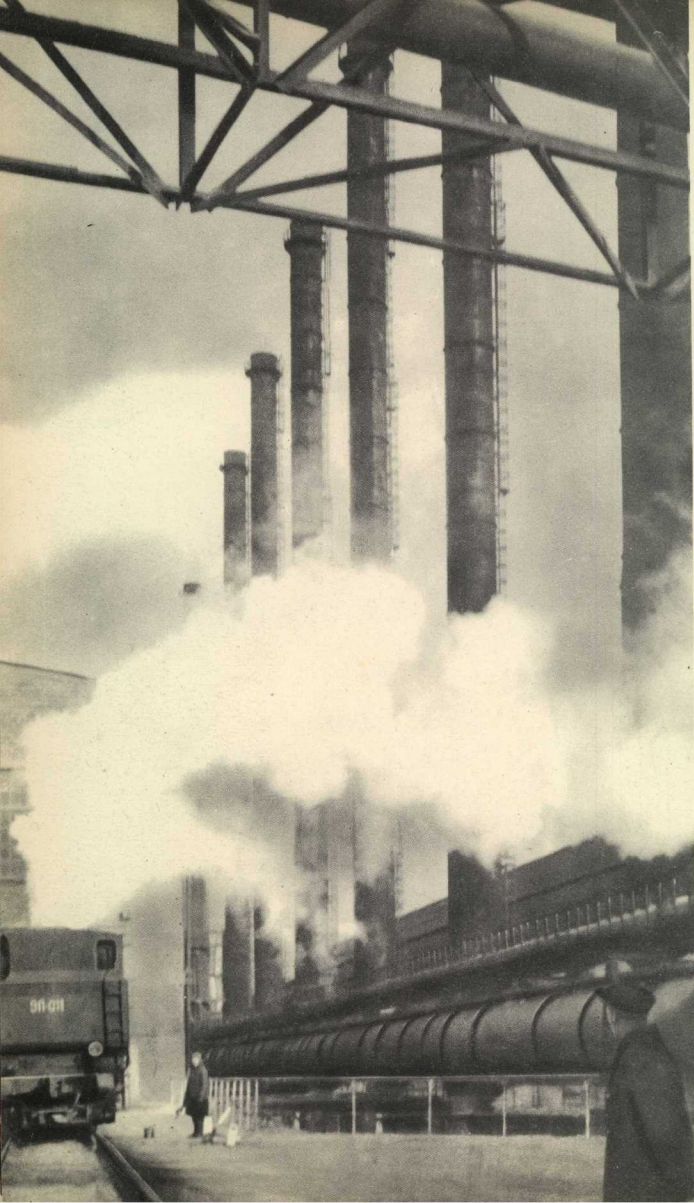
СМЕНА

СИГНАЛЬНЫЙ

5

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Иосиф Виссарионович Сталин.
(21 декабря 1879 года — 5 марта 1953 года).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Март. № 5. 1954 год.

Год
издания
31-й

СОВЕТСКИЙ ФЛАГ

Флаг, переполненный огнем,
Цветащий, как заря,
И тонким золотом на герме,
Три доблести горят:
То молот вольного труда,
Серпа изгиб литой,
Пятиконечная звезда
С каймою золотой.

Был побежден народа враг
Неродною рукой,
И то народов этот флаг
Взмавует над собой —

На самой высшей высоте,
На самой дальней широте,
Среди полей и городов,
Меж волн бесчисленных рядов.

В нем — человечеству привет,
И прощанье в мире флага нет.
В нем — нашей славы жаркий цвет,
И жарче в мире флага нет.
В нем — нашей силы грозный свет,
Сильнее в мире флага нет.
В нем — правда наших красных лет,
Правдней в мире флага нет!

ТВОРЧЕСТВО

Вл. ЧАЧИН

Ольга с надеждой смотрела в зал, ждала, кто вот-вот кто-нибудь выступит, но никто не поднимал руки, никто не протягивался к трибуне. Ольга машинально дотронулась до ручки своего только что прочитанного доклада, без надобности поправила волосы. Председатель уж в который раз обратился к собравшимся.

— Ну, так кому же дать слово? Товарищи, давайте поактивнее!

Комсомольцы молчали. Ольга краем глаза поймала укоризненный взгляд секретаря райкома. А председательствующий опять встал, обратился к залу:

— Ну, может быть, Ана Родинович выступит?

Все повернулись к Ане. Девушка покраснела. — Я не знаю, что говорить.

— А может, Рита Фатина что скажет?

Рита Фатина удивленно раскрыла глаза:

— Ой, что вы!

Кое-где посыпалось шушуканье, сдержанный смех. В президиум поступила записка: «Будут ли в перерыве танцы?» Ольга прочитала записку, привскочила губу. Как ей было стыдно за своих комсомольцев! Неужели их ничто, кроме танцев, не интересует?

Вечером, когда в зале клуба сдвинули стулья и занурили дирижер, Ольга села в кабинет секретаря парткома фабрики Федора Дмитриевича Кулакова, смотрела в замешанное окно и, казалось, была совершенно равнодушной к приглушенным звукам вальса. «Пусть выберет другое», — думала она. — Я, наверное, не умею, не могу. В конце концов я лучше пойду обратно в сек...»

— А ты чего не танцуешь? — спросил Кулаков.

Ольга почувствовала, как дрожит у нее подбородок.

— Эээ... подумав, заключил Федор Дмитриевич... а я, пожалуй, схожу потанцую.

Ольгу Торшешву комсомольцы все же вновь избрали в состав комитета. Избрали единогласно. На следующий день, когда Ольга зашла в партком, Федор Дмитриевич спросил ее:

— Значит, ни одного голоса против? Может, ты со всеми в ладу живешь или еще хуже: безразлично молодежи, кто будет вожаком? Это-то уж очень все гладко получается. Надо, чтобы человек и любил, и уважали, и побиновались. Ведь ты комсомольский руководитель. Вокруг тебя все время борьба идет! Взлезешь с головой в эту борьбу и поймешь, что гладко да сладко ничего не бывает.

— А разве я не борюсь?

— В самом деле, разве она не борется? Вот началось на фабрике движение за высокое качество продукции. И что же? Комитет комсомола организовал выпуск «мошниц», провел собрания в цехах. Заметили, что часть рабочих

мало читает, не учится, и комсомольцы устроили читальскую конференцию. Федор Дмитриевич отменял не сразу. Верно, все это делалось и даже учитывалось в протоколах. Но суть-то ведь в том, что все это, к сожалению, делалось без души, без огня.

Вот проходила читальская конференция по книге Фадеева «Молодая гвардия». Главной должна быть эта конференция? Члены партбюро тогда высказали Ольге свои замечания, но ей они показались обидными. Чем же плохая конференция, если на ней выступило много комсомольцев и все говорилось очень складно, правильно?

— Нет, Оля, не в этом дело... убеждал ее Федор Дмитриевич. — Ну-ка вспомни, как вы готовили эту конференцию!

А в самом деле, как же они готовили конференцию? Собрали актив библиотеки, Ольга зачитала план выступлений, и тут же в комитете распределены темы. Один расскажет о положительных героях, другие — об отрицательных, третьи — о значении книги, и, разумеется, в конце конференции слово возьмет библиотекаря, которая все подожжет.

Вспоминала Ольга и суматоха в комитете перед конференцией. Осталась всего один день. Кто-то плохо подготовил свои выступления, кое-что тревожилось, не знал, как и чем говорить.

— А Уля Громова любила Олега Кошевого? — спросила Ольгу одна из девушек. — Можно ли об этом говорить на конференции? Ольга почему-то решила, что об этом говорить не стоит — бесполезно. Пусть лучше докладчик не отклоняется от предложенного ей плана...

— Какая-то неживая Уля у меня получается, — разорывался пропеть докладчик. — Ну ладно, я расскажу, как ты советуешь.

И рассказала. В зале беспрерывно шушуканье, чувствовалось, что докладчику слушают без особого интереса. Почему? Разве образ Ульяны Громовой не дорог комсомольцам? Разве они не хотят быть такими же, как Уля? Конечно, хотят! Но почему же тогда плохо слушают? Ольга и себя поймала на мысли, что неинтересная. Почему? Да потому, что ей все это давно знакомо. Вот если бы об Ульяне Громовой заговорить с трибуны так, как говорят люди о близком друге! Ведь в самом деле интересно, как Уля умела дружить, о чем мечтала?

Мысли рожались в голове у Ольги. Конечно, хватят уже по-настоящему толковать о положительных и отрицательных образах, как тогда на конференции. Не лучше ли начать говорить о том, что волнует молодежь? Но как об этом говорить? Кто поможет найти теплые, близкие слова? А может быть, это и есть творчество в

комсомольской работе, то самое творчество, о котором так много пишут и говорят? Значит, творчество — это то, что рождается без шаблона. Творчество — это значит много думать, творчество — это смелость, борьба! Об этом не раз уже говорили ей коммунисты.

— Да ты, Ольга, главное — это значит всего какаться, все принимать к сердцу, — повторяет партком.

— Однако они вместе с Федором Дмитриевичем шли мимо фабричного клуба. У входа в клуб оживление. Незнакомые парни с гитарой собрались на тротуаре, поют надрывными голосами. Ребята молодые, а изображают из себя каких-то разочарованных в жизни людей. Да и песни пошлые, давно забытые. Около певцов колыбещик, взрослые их торпливо обходят. Ольга тоже хотела ускорить шаг, но Федор Дмитриевич удержал ее, приостановился, прислушался.

Особенно выделялся из певущих один молодой, совсем школьник. Он и пел по-детски, старательно выговаривая слова. На нем короткое пальтишко и кепочка с малюсеньким козырьком.

Песня кончилась. Гитарист взял гитару подмышку, кивнул на дверь клуба:

— Пошли!

Женщина-контролер села в дверях. Разумеется, билетов ни у кого не оказалось. Контролер медленно отступила от входа.

— Тета Сима, пропущены ей все! — вдруг вмешалась Ольга Дмитриевич.

Компания певцов: такого поворота никто не ожидал.

— Ну, ну, проходите, чего встали! — слегка подталкивал певцов Федор Дмитриевич.

И вот все они сидят в кабинете заведующего клубом. Нерешительно переглядываются, косятся на телефон.

— Вот что, хлопцы, у нас на фабрике организуется хоровой кружок, а хороших мужских голосов нет. Ведь на фабрике все больше девушек! Хотите участвовать?

Самый старший из компании — гитарист — подозрительно прищурился.

— К чему это вы хлопцете? Ведь мы же не ваши, не фабричные!

— Это так... спокойно возразил Федор Дмитриевич. — Но ведь вы живете рядом с фабрикой, в наш клуб всегда ходите, вот и помогите нам. Вы нас выручите, а мы вас и поем как следует научим.

Первым сдался парнишка в маленькой кепочке. Он доверчиво смотрел на Федора Дмитриевича, внимательно слушал.

— А можно в кружок по вечерам приходить? — озабоченно спросил малюгата. — Ведь днем я в школе учусь.

Теперь уже в разговор вмешалась Ольга. Она рассказала о руководителе кружка, о том, как

хор будут слушать сотни рабочих, о струнном оркестре, который уже организовали на фабрике комсомольцы.

Когда пришло время выходить из кабинета заведующего клубом, Федор Дмитриевич предложил им пойти в зрительный зал, но хлопцы замялись:

— Нет, зачем же так! Мы билеты купим.

Прошло немного времени, и в зале впервые выступили новые певцы. У дверей клуба теперь порядок, за ним старательно, ревниво следят вновь принятые солисты. Пришли в клуб также и талантливые чтецы-декламаторы, и танцоры, и музыканты. Ольга чувствовала, как жадно тянутся к фабрике подростки со всех этих кривых переулков у Крестьянской заставы, Таганской площади.

Конечно, никто не обязывал комитет комсомола работать с окружающими фабрику населением, ни в каких инструкциях и наставлениях об этом не говорилось. Но ведь все это живая жизнь, и от нее нельзя отмахнуться! И разве это не победа комсомольцев, что к ним на фабрику стали наведываться отцы и мамы всех этих солистов и искренне, от всей души благодарить за то, что «Колька-то мой совсем другим стал. Все в клуб да в клуб, от хулиганов отколовся!»

Все чаще стали заходить в комитет комсомола члены партбюро, секретарь парткома. Однажды Федор Дмитриевич как бы между прочим спросил:

— Ольга, расскажи, что ты знаешь о Танине К?

Ольга представала себе скромную, застенчивую Таню.

— Хорошая она...

— А чем хороша, почему ты так говоришь? Ольга пожала плечами. Собственно, она не может точно сказать, чем хороша Таня. Работница она отчаянная, стасхановка. Нравится она Ольге, вот и все.

— Вот подала Таня заявление об уходе с фабрики, хочет в ателье работать,— сказал Дмитриевич.— А мне кажется, что-то здесь не так. Ты ее сильно знаешь?

Ольга путано говорит про то, что ее дело — работать с коллективом на фабрике, а вникать в бытовые дела некогда, да и вообще очень не так.

— Ты не замечала, что Таня раза два приходила на работу с синяками?

Да, Ольга это замечала, даже спрашивала Таню, а чем дело. Кажется, Таня тогда ответила ей, что дрова рубила и шепкой ушибла глаз.

— Завтра должен прийти на фабрику муж Тани. Ты, Оля, не уходи, подожди, разберемся во всем.

И он пришел, муж Тани. Важно расселся. Даже шапку не снял, вызывающе поглядывая на людей, разговаривал насмешливо, с чувством превосходства.

Новый рисунок пришлось по душе молодым работницам Лиде Мухомовой и Гле Рубцовой. Фото В. Тюенкова и Я. Халица.

— Она отработала вам после учлища положенный срок, а теперь может и уходить,— сказал он.

— Таня любит фабрику, здесь ее товарищи, ее интерес, ее труд,— спокойно заметил Федор Дмитриевич.

— Бросьте вы меня агитировать! — досадливо махнула рукой парень. — Захочет — и уйдет. Будет дома сидеть. Обед мне готовить. Вам-то какое дело?

— Вы почему Таню бьете? — медленно проговорил Федор Дмитриевич.

— Беспокойно заболела глаза парня.

— Кто ее бьет?! Она сама ушиблась.

— Где вы работаете? Мы сообщим туда о вашем поведении.

— Это не важно, где,— опустил глаза, буркнул парень.

Федор Дмитриевич снял трубку, вызвал бюро пропусков:

— Посмотрите паспорт гражданина К. Где он работает?

Секретарь парткома начал что-то записывать, прижав плечом телефонную трубку, подкивал, кивал головой.

Парень, не мигая, смотрел на телефоны, медленно шагнул с головы шапку.

— Ну вот что, молодой человек,— начал Федор Дмитриевич,— если хоть раз обидите Таню, пеняйте на себя. А заявление об уходе с фабрики пусть Таня возьмет назад. Скоро придем к вам на дом комсомольцев, все проверим.

Прошла танин муж как-то растерянно, вышел в коридор, тяжело вздохнул:

— Ну и дела!

Какие-то девушки рассмеялись ему вслед. Он обернулся, рассероно нахлобучил шапку, заторопился к выходу.

— Ты подмечай, чем живут люди,— сказал Ольга тогда заместителю секретаря партийной организации Алексею Кузнецов, веселый, хлопотливый парень. — Ведь для нас важно знать не только, как люди живут, а главное, чем живут. Понимаешь, нужно идти в глубь и не бояться сказать это. Провести собрание нетрудно. Труднее сделать так, чтобы человек на собрании мог сказать товарищам о самом большем, сокровенном.

Однажды после заседания комитета комсомольцы разговорились об обычных, казалось, будничных делах. Это бывае так. Сидят люди, заседают-заседают, а когда решат все вопросы, еще долго не расходятся, говорят вроде о постороннем.

— Сколько дней осталось до полочки? — вдруг спросила одна из девушек.

Комсомольцы рассмеялись.

— А чего смеетесь? — продолжала она, — четное число, у меня уже денег нет.

И жуда они расходятся? Не пошуи.

Завязался разговор. В самом деле, куда расходятся деньги? Зарабатывают молодые шени прилично, должно бы хватать, но не секрет, что немало рабочих не умеют расходовать свои деньги. В чем тут дело?

— Ведь ты комсомольский руководитель,— говорит Федор Дмитриевич.— Вонку мой же время борба идет Влезешь с головой в эту борбу и поймешь, что глупо да сладко ничего не бывает.

Однaжды нa заседании комитета ВЛКСМ комсомольцы разговаривали о будничных, казалось бы, обычных делах.

— Я в детстве росла,— говорила одна из работниц.— Никто меня не учил тратить свои рубль. Не умю я это делать. Из вещей, бывало, куляло то, что мне вовсе и не нужно. Сразу же после покупки у меня густо, а потом пусто. Научила бы хоть, как правильно жить.

Ольга слушала девушек и вдруг поймала себя на мысли: коммунисты учили ее все подмечать, не проходить мимо того, что волнует молодежь. А в самом деле, почему бы не собраться как-нибудь вечером и не поговорить обо всем этом? Пригласить старых, пожилых работников, пусть они поделятся жизненным опытом, научат देखеть экономно тратить деньги, расскажут, куда и что купить. А может быть, это вовсе не дело комсомола? Ну, нет! Разве только о производственных делах и о полугубе должны говорить люди, когда соберутся вместе? Нужно говорить и о заработной плате, и о любви, и об отношении к родителям, и о жилищной, и о чувстве лютки.

Хорошо поговорить и о труде, о радости созидания, о том прекрасном, благородном, что дает труд. И пусть собрание называется как-то по-новому, свежее, ну хотя бы «За что я люблю свою фабрику» или «Мой труд вливается в труд моей республики».

— Вечер прошел интересно. Сначала беседовали о моральном облике советского молодого человека, о дружбе, товарищеской помощи. Задавали много вопросов, делились мнениями. Когда вечер окончился, комсомолы еще долго не расходились, собирались группами, советовались.

К Ольге подошла швея Рита Фатина. На Риту постоянно жаловался комсорг цеха, что она нигде не учится. Ольга с ней раньше говорила об этом, но Рита молчаливо прятала глаза, закрывая, обедала начать, но потом все шло по-старому.

А вот сейчас Рита сама подошла к Ольге, отвела ее в сторону:
— Знаешь, Олечка, я плачу хозяйкам за квартиру двести рублей...

Ольга удивилась. Как? У нее же своя квартира! Кому же она платит?

И Рита, волнуясь, рассказала Ольге все. Отец Риты погиб на фронте, мать умерла в эвакуации. Осталась Рита вдвоем с маленькой сестренкой. Пришлось ей одна дальняя родственница. Так и жили обе сестренки у одной старой доброй женщины. Но вот к родственнице приехали ее взрослые дочери в стали постепенно выживать Риту с сестренкой из квартиры. А потом умерла эта женщина, ее дочери повзрослели замуж и предложили Рите платить за угол. С тех пор она и платит.

Ольга задумалась. Вот она какова, жизнь Риты! Кто же об этом знает? Нужно немедленно действовать, это и есть кровное комсомольское дело— помочь товарищу. Но как? С чего начать?

В партбюро предложили написать обо всем в газету. Так Ольга и сделала. В редакции тепло отнеслись к письму комсомолки с фабрики, немедленно сообщили об этом в райисполком, просили помочь сестркам. Правда, в райисполкоме не сразу рассказали, но Ольга сама ходила, объясняла, доказывала, а где было трудно, приходила на помощь Федор Дмитриевич.

И когда наконец Рита Фатина получила ордер на комнату, в комитете комсомола было всеобщее ликование. Ольга разовалась больше всех. В самом деле, как приятно чем-нибудь помочь человеку!

И вот Рита Фатина переезжает на новую квартиру. У нее почти ничего нет из мебели.

Но комсомолы и здесь не оставили товарища. Добились разрешения взять из хозяйства клуба для Риты во временное пользование кое-какую мебель. В воскресенье привезли Рите дров, а в следующее воскресенье приехали с пилой, переделкой, перекладкой дрова.

Рита вечером предложила гостям чаю, весело хлопотала около плиты, а когда крышка чайника начала подпрыгивать, молодая хозяйка вдруг сконфузилась, растерялась. В чем же заварить чай? Но когда она вошла в комнату и вдруг увидела на столе новенький чайник с веселенькой раскраской, то не удержалась, заплакала.

...И опять проходила на фабрике читательская конференция. На этот раз конференция была посвящена Николаю Островскому. Комсомолы решили провести ее по-новому, не просто говорить о героях книги, а найти какую-то главную, связующую мысль и все построить на ней. Ведь многие читали «Как закалялась сталь», многие помнят образы героев книги. Зачем же еще и еще раз пересказывать то, что всем ясно? Конференция должна пройти бурно, со спорами. А разве расходится мнения, когда они говорят о Корчагине? Что же тут спорного? Конференция будет интересной, если люди расскажут и о Корчагине и о себе. Вот это и есть творчество в комсомольской работе.

В Музее Николая Островского Ольга прочитала чудесные слова писателя о пламени жизни. Вот они, эти слова: «В нашей стране быть героем— святая обязанность. У нас не талантливы только лентяи. Кто же горит, тот коптит— это закон. Да здравствует пламя жизни!» Хотя получилось длинново, но комсомолы так и решили назвать свою конференцию. Так написали и в объявлении.

Выступающих было много. Даже заступник Ринма Меркулова, и та говорила о том, как помогает в жизни дружба. Рассказывала о себе.

Комсомолы вышального цеха на конференции много говорили о том, как сейчас интересно учиться девушкам делать красивые вышивки на детских пальтиах, и что это тоже очень важно, чтобы советские дети ходили в изящных пальтиах, и очень важно уметь любовно подобрать хороший рисунок, уметь найти цвета для разного времени года. Разве это не творчество?

Конференция подходила к концу. Казались, уже выступили все, а в президиум все шли и шли записки...

Москва,
Швейная фабрика № 4.

— Сегодня ваш цех отстаёт,— говорит дежурная пульта управления Валя Якунина.

Скор «Юнга» выйдет в первое плавание.

Юрий МОРАЛЕВИЧ

«ЮНГА» ГОТОВИТСЯ К ПЛАВАНИЮ

КАПИТАН РАСТЕРЯЛСЯ

Вся моя жизнь связана с морем. И я, прожив больше сорока лет, не раз бывал в весьма сложной обстановке. Но даже в тайфуне у Филиппинских островов я чувствовал себя уверенней, чем в первый день моего командования учебным судном. Это судно весьма внушительных размеров не влезало на самые хребты штормовых океанских волн. Оно спокойно стояло на якоре посреди Москвы-реки, в двухстах метрах от Кремля. Экипаж его только что укомплектовался. Самому старшему «морюку» — шестнадцатилетнему мальшину — скоро двенадцать.

Ребята с первых же минут почувствовали себя на учебном судне отаино, а я стоял на мостике в мучительном раздумье. Нужно было совершить весьма сложный маневр: пройти по реке под Малый Каменный мост, не задев за его крутую арку и не промяв корпус о скрытые под водой железные сваи. На подобных судях положено иметь не меньше двадцати пяти матросов, а я был один в окружении толпы ребят. Начинало смеркаться, что еще больше осложняло мое и так незавидное положение.

Ребята, сгрудившись вокруг меня, слушали наставления в строгом молчании, словно являющиеся моряки перед боевой операцией. Боцман Каптанов и боцман Степанко разделили ребят на две группы: «каптановцы» — на багры, «степанковцы» — на якорь.

Юные моряки проявили столько ловкости, столько настоящей морской смелости,

ки и хватки, что сложный маневр прошел вполне благополучно.

Так школьники столицы вступили во владение кораблем, который они получили от Министерства морского и речного флота.

ПОЧЕМУ КОРАБЛЬ ЧИСТ

Задача, которую взялся выполнять юный коллектив, многим казалась фантастической. Неужели ребяташки под руководством одного моряка смогут капитально отремонтировать судно, мало того — сделать из колесного парохода винтовой теплоход! Да они паубу на нем не приобретут как садеут. Как дойдет дело до настоящей флотской работы, моментально останут!

Некоторые из ребят, побродив по отсекам корабля, изрядно измзались в угольной пыли и ржавчине. Один из них сказал мне:

— Что же это будет? Вы говорите, что всех нас оденут во флотскую форму. Так она у нас моментально, как тряпка, стает.

— А почему у настоящих моряков такая нарядная и чистая одежда? — спросил я.

— Ну, — серьезно ответил паренек, — у них на кораблях такая чистота, что на паубу алжешь, — и то не вымажешься.

— А кто им такую чистоту наводит? — Паренек помолчал и нерешительно ответил:

— Да кто его знает... Сами, наверно, все чистят.

— Это ты прав. Моряк потому чист, что грязной работы не боится. И пока корабль не заблестит, как солнышко, моряк парадной одежде не наденет. У него для этого рабочий костюм есть — роба. А когда корабль прибри, тогда уж не запачкаешься на нем. Интересно только: кто на нашем корабле будет приборку делать? Может быть, из Дома пионеров нянечек позовем?

— Зачем же нянечек? Мы уж сами. По-морскому.

Испытание было очень серьезным. В огромных бункерах парохода лежало тонн пятнадцать мелкой угольной пыли. За одно воскресенье ребята все ее вываскали оттуда ведрами, потом вскрыли деревянные настилы, очистили изнутри динце и все покрасили железным суриком.

С каждым днем на корабле становилось все чище и чище. Но важнее всего было то, что ребята, многие из которых дома после себя крошек со стола не сметут, стали выполнять самые грязные корабельные работы. Несклько мамин явились на корабль для объяснений, не сумавших ничего доброго. Но ушли матери умиротворенные. А лишь одна из них с легким вздохом сказала:

— Приворожили здесь моего парня, не знаю чем. Дома я его все безоручкой изывала. А у вас он вот какой стал! Ну, нушкий чикнется. Это ему на паубу пойдет. А то ведь до сих пор не знаю, каким трудом чистота достается.

Трудно было первое время только с Володей Каптановым. Он поклялся, что

Ничто не сидит без дела: Юлия выпиливает детали отделни лобзиком, Светлана укрепляет их на переборке каюты.

не снимет робы и не пойдет в баню до тех пор, пока весь корабль не засияет чистой. Пришлось мне применить свою командирскую власть. И Володя вынужден был нарушить страшную клятву. Сбежав домой за чистым бельем, он явился ко мне в каюту со свертком подмышкой, козырнул и мрачно доложил:

— По вашему приказанию отбыл в баню! У трапа вахтенные под хохот всего экипажа отсалтовали боцману металами. Он обернулся и потроизил им кулаком.

ЧТО ДЕЛАЮТ ХУЛИГАНЫ

Вера Матвеевна, учительница мужской школы, пришла к директору Дома пионеров и, понизив голос, сказала:

— Ну и дела натворили с этим кораблем! Просто не верится, Мария Антоновна.

— А что такое? — не на шутку встревожилась та. — Может быть, кто-нибудь из ребят в него свалкался?

— Они все, как рыбы, плавают, — ответила учительница.

— Поранился кто-нибудь?

— Нет, и на этот счет все благополучно. Я пришла сказать вам о другом. Вы знаете, что у нас, на Островке, очень озорные ребята. Так вот многих из этих хулиганов приняли на корабль.

— Странно это все! — возмутилась Мария Антоновна. — И что же хулиганы? Безобразничают?

Вера Матвеевна развела руками и ответила:

— Каюты они как-то строят. Повели меня к себе на корабль и все показала. Вот здесь, говорят они, была угольная яма, а мы все грязь вычистили и теперь строим по бортам ивещь каюты, в середине — матросскую кают-компанию.

— Ну, уж островские ребята выстроит! — усомнилась Мария Антоновна. — Представьте себе, строят, сказала учительница. — Перегородки сделали из брусьев, двери устанавливают, полы настилают. А самый озорной, Боря Митин, мне говорит: «Мы, Вера Матвеевна, до настоящего дела дойдем, теперь нас отсюда за уши не оттащат».

Мария Антоновна — педагог. Ей пора бы было знать, что озорничать ребята больше всего от скуки. От той титущей скуки, которая господствует на некоторых совещаниях, где бесконечно обсуждают вопрос о том, как бороться с озорством подростков.

А в душе озорных паренек неутожимо тлеет чудесная искра. Это — стремление к труду, дающему интересные, осязуемые результаты. И единственное, что возмущает «хулиганов», попавших на учебный корабль, — это как бы не было задержки с материалами для постройки.

ДОБРОТНАЯ СТАРИННАЯ РАБОТА

Два инспектора из министерства проверки, как учебный корабль подготовился к зимнему оттогу. Они осмотрели тросы, водонепроницаемые переборки, трапы и печи. Насторожно присматривали после работы все стружки и щепки. Затем они стали осматривать каюты, ремонт которых подходил к концу.

Войдя в просторную каюту с тремя бортовыми альпинистскими, старший инспектор удивленно воскликнул:

— Ого! Даже покрасть успели. А краска получалась: голубое с белым и золотое. Просто адмиральская каюта!

Второй инспектор провел рукой по филенчатой переборке с панелью, покрытой

узорчатым орнаментом, и задуумчиво произнес:

— А умели прежде корабли отделывать. Поглядеть приятно. Добротная, старинная работа! Вы уж смотрите, товарищ капитан, чтобы ваши ребяташки не попортили отделку. Старину нужно хранить!

— Не в силах сдержат улыбку, я спросил: — Где же вы увидели музейную старину?

— Да вот на стенках. Теперь так и не делают, новые материалы применяют. А тут старинная резная работа.

— Володя! — обратился я к боцману, почтительно стоявшему у входа. — Кто делал резные украшения в этой каюте и кто отделывал каюту, шпаклевал щели и дыры, зашивая пробоины в переборках?

— Отделывали и красили каюту наши девчата. Они на этот счет мастера. Бригадир у них Юля. Уже в девятом учится. А украшения им выпиливали и обрабатывали малыши из кружка «Умелые руки» в Доме пионеров. Лобзиками пилали, а потом напильником и шкуркой обрабатывали; мы дали слово весь корабль так отделать и справились! У нас экипаж отборный!

(Весь принцип отбора «талантов» заключался в том, что ребят, имеющих двойки, мы не зачисляли на корабль до исправления отметок.)

МОРСКАЯ ФОРМА

Еще издали, возвращаясь из суходоходной инспекции, я заметил, что на трапае среди ребят стоят два морских офицера. Холодное зимнее солнце сверкало на золотом шитье их фуражек, на пуговицах форменных шинелей. С невысоким огорчением я подумал: «Опять какая-нибудь комиссия приехала».

Подойдя ближе, я напряг зрение, не веря глазам своим. Морские офицеры очень напоминали Володю Каштанова и Костю Егорова. Пройдя на палубу, я строго спросил:

— Что это за маскарад? Откуда форма? «Офицеры» вытнулись, четко взяли под

— Боцман Степашно вахту сдаст!
— Боцман Каштанов вахту принял!

козырек. Володя, чуть волнуясь, отразпортовал:

— На корабле проишествий нет! В угольной яме обшиваю переборки кают. Остальные пилат дрова и зайняты приборкой. Валентинич начальник — Каштанов.

— Ты мне скажи откуда форму взяли?

Володя взвизгивающим тоном сказал:

— Это нам наши матери в венторке купили. Только мы устан на нарушаем. Видите, военных знаков на нас нет.

— Форма помощников командира настоящего судна! Рановато вам еще ее носить.

— А у нас разве корабль не настоящий? — вспыхнул Володя. — Да он пять тысяч ребят выдержит, мы уже подсчитали. Нигде в мире у ребят такого корабля нет! Наш «Юнга» — флагман всего пионерского флота Советского Союза! Разве не так?

— Корабль настоящий, — вынужден была согласиться. — Но вы-то?

— На десятках железных дорогах начальники и машинисты — ребята. И форму они железнодорожную носят. Так чем же мы хуже их?

— Мне нечего было возражать. И я сказал: — Алло, носите форму. Только с чистью ее носите! Показывайте другим образец дисциплины.

«МОРСКИЕ СЛОВЕЧКИ»

На палубе посыпался топот ног, короткая возня и крики. Кого-то тащили с кормы.

Я вышла из каюты и поднялась по трапу, чтобы узнать, в чем дело. У носовой брашшля стояла кучка моряков. Ребята оживленно переговаривались. Слышался громкий смех. Я подошла поближе. Юные матросы подтянулись, прикомандовались.

— Что здесь случилось, ребята?

Володя Каштанов официальным тоном доложил:

— Матрос Баранов находится в канатном ящике. Остальные просто интересуются.

— Чем же там Баранов занят? Ремонтирует что-нибудь? Ты бы приказал ему ржавчину счистить с таранной переборки. Просто позор!

— Форменный позор, — согласился Каштанов. — Его потому ребята и затиснули в канатный ящик. Пусть поспит часок...

Матросы захихтели, затем зафыркали, словно стая дельфинов, и наконец так расхохотались, что я отступила на шаг. Каштанов, сдвинув сверкающую свою фуражку на нос, смущенно почесал затылок и не слишком уверенно сказал:

— Да не в ржавине дело... Мы Баранова за словечки в канатный ящик отправили. Сами знаете, за какие... Одним словом, матросская общественность постановила. А он кричит, что если кто не ругается, тот не моряк, а маленький сынок. Мы его предупредили, что в канатный ящик посадим, а он такое сказанул...

— Да, — согласился я, — если Баранов не перестанет, сплывем его с корабля. А теперь выпускайте.

На следующий день я, возвращаясь из судно с обеда, увидела на носу корабля,

Весна близко! Боцман с матросами обходит на шлюпки корабль.

у закрытой горловины канатного ящика, двух ребят.

— Что вы делаете здесь?

— Канатный ящик охранил, — весело доложил Витя Извеков. — Там у нас новый кабинетик завелся.

— Откройте и выпустите! — приказала я. Извеков, видимо, недовольный моим приказанием, с азгом откинула на петлях стальную крышку горловины и крикнула в темневший зев:

— Вылезай! Приказано выпустить!

Из тесного отверстия показались взлохмаченная голова. И, к моему изумлению, на палубу вылез главным боцман Володя Каштанов. Смущенно стряхивая с рукава рабочего хитлея ржавую ржавчину, он молча остановился передо мной. Вдалеке, у капитанского мостика, молча толпачились ребята; они понимали, в какое неважное положение попал их старший товарищ.

— В чем дело, Каштанов?

— Прострфались я... Ребята и посадили.

— Чем же ты прострфалился?

— Да насчет словечек, Юрий Александрович. Баранов опять загнул пару крепких. Я его на берег прогнал. Он с берега еще добовал. Да как! Ну, я крепко рассердился и ему ответил. Баранов успел убежать, а меня ребята сразу поволокали и в горловину затиснули.

— Но ты же вахтенным начальником остался!

— Это верно, но раз общественность постановила, значит, полезай!

Больше никто не слышал на «Юнге» «морских словечек».

«ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЗАСТРОЩИКИ»

— Юрий Александрович, какую вы мне дадите кату?!

С этим вопросом обратился ко мне Витя Извеков.

— На твою группу дам восьмиступный кубрик в носовой части. Вышла задача — отремонтировать свою кату и установить в ремонте всего корабля.

Извеков приступил к работе без особого энтузиазма. Для через три он пришел ко мне и попросил:

— Дайте нам кату поменьше, на двох. А ту пусть другие занимают.

— А отремонтируешь «на отлагичо»?

— Сами увидите!

Извеков и Губин горячо принялись за ремонт кату. Каждое занятие они сразу уходили в «свой» отсек корабля и почти не показывались на палубе.

Через неделю Каштанов взял свою настоящую боцманскую дудку, вызвал переливчатым свистом всех наверх для срочной, авральной работы. Нужно было выносить на берег металлический лом.

Извеков и Губин даже не показались на палубе. Из железной трубы над их каютой поднимался густой дымок. Я решила загнать в первый жилой отсек. Дверь в кату Извекова была заперта изнутри. Нажала на дверь, и замок соскочил с гнезда.

Губин лежал на грубооклоченной койке, подремывал. Извеков сидел на кривом настиле и мирно подкапывал щепки в топку маленькой железной печи.

— Работаете, моряки? — не слишком ласково спросил я.

— Загорелись, Юрий Александрович! Решили немножко отдохнуть.

— А вы знаете, что на палубе аврал? Дудку салхайте!

Корабль и зимой чистоту любит!

Губин поднялся с койки и независимо заглянул:

— У нас своя работа. Мы свою катуку отдаем. А если начнем туда-сюда бегать, что же это получится? Мы вон склячки да сидим!

Я слыта тоакула понауту неуклюжую койку рукой. Она покачнулася и рассыпалась на составные части.

— Это мы ее временно собрали, — попытался оправдаться Виктор Извеков. — Она еще не готова.

— А настя почему неструганый и кривой?

— Рубанок затупился, а заточить времени нет.

— А если пробоина будет в кормовой части, вы тоже на бошанскую катуку не выйдете? Скажете: пусть чужая корма тонет, лишь бы наша катука была цела? Вы не морские, а квартиранты на корабле!

По решению корабельного комитета Извекова, Губина и еще шестерых «инициативных застройщиков» лишили катуку. От общего кубрика лентки сами отказались. С корабля их не писали, но в основном экипаже не считают. Губин и его приятели изредка приходят на корабль. Они садятся у одной из печей и с удовольствием вдыхают запах свежей краски и стружек, смотрят, как работают краны.

БЕСПОКОЯНЫЙ КОНТИНЕНТ

На «Юнге» есть свои передовики судоремонта, свои рационализаторы. Это замечательный народ. Любые, самые сложные, тяжелые и неприятные работы выполняются у нас два Самыла: Валдиская и Вячеслав. Не отступают от них и Валд Поленов с Борей Митиным — самые юные передовики корабля.

Учебный корабль — довольно смелый педагогический опыт, своеобразная попытка воспитательского обучения ребят за стенами школы. Ребята на нашу попытку откликнулись с энтузиазмом и горячностью. Сложные судоремонтные профессии оклика «Юнга» осваивает с поистине непостижимой быстротой.

Энтузиазм в любом деле, радость труда — драгоценные качества, особенно если родились они в юных сердцах. И мы делаем все, что от нас зависит, чтобы эти чувства в ребятах постоянно росли и крепки.

— У дверей моей катуки робкий голос:

— Можно, Юрий Александрович?

— Входи, Саша. Чем ты огорчен?

Паренек переступает через комингс, окванный бронзой высочай порога, и умноло говорит:

— Фанеры больше нет. И гвозди кончатся.

— Знаю, Саша, знаю! Вот откровит финансирование...

— Когда же его откровит?

Я подождавсивсь к уютному корабельному камешку и митко меняю направление нашего разговора:

— Дал морская важнее всего спортивное и выдержка. Вот когда мы штурмовали в Висайском заливе, я еще юнгой тогда плавать, волны бьют вот так...

В моей катуке быстро становится очень тесно. Сморгается. Отчетливо сияют три алюминатора с надраженными до золотого блеска «барашками». После Висайки юные морские, метательно бастая в летком сиралах катуки гаваями, отправляются на изумрудный берег Ява, скоклет между коралловыми островами. В торговственном великомогнии встают над голубым океаном могучие пальмовые леса Суматры, слева остался поразжающий штормом и нищетой Сингапур. Но уже поздно. Пора кончить нашу беседу.

— До Владивостока доскажете, — просят Ира.

— Или хоть до Шанхая, — идет на уступку Саша Воробьев.

Забита нехватка фанеры и гвоздей. Ребята ведут через океаны волшебный корабль, имя которому МЕТЧА ЮНОСТИ. А в нашей стране все мечты воплощаются в явь. И мы верим, что флаг на инженерском флагмане будет поднят в срок.

МОЛОДЫЕ СТРОИТЕЛИ КИЕВА

Комсомолка-крановщица Вали Сотникова.

На Крещатике в одном из новых зданий размещены архитектурные мастерские института «Киевпроект». Всего несколько лет назад здесь на витринах были выставлены проекты, увеличенные фотографии макетов — генеральный план застройки Крещатика. А сейчас, если подняться на третий этаж, из окна института видны высокие, многоэтажные дома, облицованные светлыми керамическими плитками, прекрасные архитектурные ансамбли. Эти красивые здания построены по проектам института «Киевпроект».

На Крещатике, на площади Победы, на улице Пушкина, на бульваре Шевченко — всюду идет грандиозная стройка.

Мы стоим у правой стороны подземного крана, на верхней площадке строения, где идет кладка стен и монтаж каркасных блоков четырнадцатипятиэтажного жилого дома. То и дело контейнеры доставляют сюда бурый кирпич, облицовочные керамические плиты, подсобные материалы.

Остола, с межэтажными перекрытиями, хорошо видна оживленная магистраль Крещатика, уже готовые дома №№ 3—4, Телецентр, корпуса на улицах Энгельса и Свердлова.

Молодежь, работающая на стройках Киева, проинтуитивна одним стремлением: быстрее, лучше построить жилые дома, клубы, магазины, кинотеатры. Сознание того, что твой труд, твой строитель, отдан решению самых насущных задач — улучшению жизни людей, росту их благосостояния, — открывает юности и девушкам.

Комсомолка Нина Пасечник вместе со своими подругами пришла на стройку из пригородного села. В стены многих домов Крещатика ее руки уложены десятки тысяч кирпичей и облицовочных плит. Ученица, перелетевшая бригадиром камешников Фелора Кравчука Нина, привлекшая на стройку разработчик, выросла здесь до мастера пятого разряда. Бригадир Кравчуку, который не намного старше своих молодых товарищей, Нина говорит:

— Заочнику седьмой класс в школе рабочей молодежи и поступило в строительный техникум. Так я решила... Сколько еще строити!

...Максим Физик работал в бригаде Кравчука с первых дней восстановления Киева. Архитекторы еще трудились над созданием проектов нового Крещатика, а камешница уже отстраивала коробки разрушенных домов кинотеатра, теплоты, здание Академии наук.

Но вскоре Максим был призван в ряды Советской Армии. Шли годы, многих новичков обучил за это время бригадир Фелора Кравчука. Не раз он вспоминал одного из лучших своих

камешников — Максима Физика, не раз ставил его в пример новичкам. А в июле 1953 года, когда закончился срок службы, Максим вернулся в Киев, в бригаду Фелора Кравчука.

Нет, руки не отвалили от кладки кирпича. Бригадир стоит неподалеку от молодого камешника и любит его уметьными, проворными движениями. В обеденный перерыв Максим расширяет бригаду Кравчука о том, как будет выглядеть этот огромный жилой дом, который они начали возводить. Бригадир видел проект, беседовал с архитекторами.

— В этом доме будет 115 квартир, — говорит товарищу Фелору, — в центральной части будет выведены четырнадцать этажей, и вместе с башней и вечношум шпилем дом поднимается выше на сто метров от земли. Облицуют его белой керамической плиткой, цоколь будет из тессалон красного гранита.

— Красный будет дом! — соглашается Максим.

— А в цокольном этаже, — продолжает Кравчуку, — разместятся новые магазины, ателье мод, детский сад, два кинотеатра. Закончим стройку, и тебе, Максим, доведется жить в этом доме.

— Возможно, — соглашается молодой камешник. Он знает, что его бригадир Фелора Кравчука недавно переехал в новый дом и вместе с многими другими праздновал новоселье.

В. ТОРИН

На Крещатике идет стройка.

Фото Л. Халипа.

Домой из детского сада.

Фото А. Монтецона.

В зрину, заглушая потрескивание, вдруг раздаётся голос: «Звезда, Звезда! Я Ракета. Разрешите выполнить задание». Через несколько секунд разрешение получено, и четверка спортивных самолетов, ведомая заслуженным мастером спорта Героем Советского Союза Мариной Чечневой, в тесной строю начинает каскад сложнейших фигур высшего пилотажа. За ними следуют петли, затем развороты, бочки.

Сильно высокого мастерства нужно для того, чтобы летать так, как летают мастера спорта Анна Бодягина, Мария Дриго, Анна Шмельцова! Их полет вы видите на этом снимке.

М. ВОДОПЬЯНОВ,
Герой Советского Союза

МЕЛОСТИ И ВОЛЕ

Как воспитывать в себе решительность и силу воли?

Как выработать твердый характер? Как стать смелым и мужественным человеком?

Бесчисленное множество раз слышала я подобные вопросы на встречах с молодежью. Юноши и девушки, знаящие, что в течение своей личной жизни мне не раз приходилось встречать опасность и работать плечом к плечу с мужественными и волевыми людьми, как видно, хотели научиться от меня какой-то рецепте бесстрашия. Нет таких «рецептов». Не знаю я «секрета» храбрости. Но повторить о смелости и воле можно и нужно.

Не случайно тема этого разговора. Она глубоко волнует нашу советскую молодежь, которой органически чужды правдоподобность, размытость, расплывчатость. Миллионы наших юношей и девушек стремятся быть достойными своей славной страны, своего великого народа. Сама постановка вопросов, подобных приведенным выше, свидетельствует о высокой требовательности нашей молодежи к себе, о ее стремлении изгнать из жизни все лужное, недостойное советского человека.

Кто не мечтает о подвиге, о героизме в юные годы, когда сама изыскота, в мысль свежа? Поинтересуйтесь, как получалась добрая слава, стремление к подвигу у подростка и юноши. Так всегда было и будет. Но само понятие подвига и героизма меняется вместе с жизнью общества.

Были времена, когда атаки осуществлялись громкой славой героев только потому, что по всякому поводу дрались на дуэлях. В наши дни такая слава была бы просто смехом.

Некогда воспевались подвиги пиратов — морских разбойников. Вспомните известных героев Марка Твена. Том Сойер и Гекльберри Финн, как известно, собирались «поступить в разбойники» и прославиться дерзкими налетами.

Некогда воспевались подвиги авиаторов — морских разбойников. Помните известных героев Марка Твена. Том Сойер и Гекльберри Финн, как известно, собирались «поступить в разбойники» и прославиться дерзкими налетами.

«Мы все время думаем о том, что же такое счастье. Теперь я знаю: счастье — это быть бесстрашным бойцом за нашу страну...» — так писала в своем дневнике перед уходом на фронт Зоя Космодемьянская. Памятная любовь к Родине и ненависть к врагу подносила гвардию радвого Александра Матросова на великий подвиг. Самыми жестокими пытками не смогла фашистские палачи сломить волю комсомольца Юрия Смирнова. А какая неиссякаемая нравственная сила нужна тем нашим юношам, которые в годы войны получали на фронте тяжелые ранения и которые, подобно Николаю Островскому, годами борются с мучительными недугами и побеждают их!

Человек, глубоко преданный идеям коммунизма, горячо любящий свою Родину, свой народ, без страха встретит смертельную опасность, с честью пройдет через самые жестокие испытания, но не отступит от своего дела. И такой человек счастлив.

Чем выше и значительнее цель, которую

сознательно ставит перед собой человек, тем сильнее у него стремление достигнуть ее. Наши юноши и девушки, получавшие больше всего из, не бегут от трудностей, не ищут легких путей. Им не свойственно обывательское стремление к личному, мешанскому счастью, к довольству, спокойному, безмятежному существованию без труда и мыслей. Мало, очень мало у нас аллилуйш — и с каждым годом становится их все меньше, — которые живут «растительной» жизнью и ходят на того дикаря, о котором писал Горький в одном из своих памфлетов. На вопрос «Чего ты хочешь?» этот дикарь отвечает: «Очень мало работать, очень мало думать, очень много кушать».

Мы хотим давать большие дела, и не ради личной славы, а для славы своего Родины. Советский молодой человек ищет подвига, стремится привнести свое поведенье — все свое поведенье — работу, все свою жизнь высоким целям, общественным интересам.

Человек, который живет только личными интересами, замкнувшись в своем мире, не может воспитать в себе твердые, волевые качества.

Некоторым из моих молодых друзей кажется, как об этом они сами говорят, что для проявления сильной воли обязательно нужны исключительные условия, необыкновенные обстоятельства. Ошибаются эти юные товарищи. Сильная воля должна проявляться не только в бою, в борьбе, но и в будничной, повседневной жизни.

Мы знаем много молодых мастеров — работников на транспорте, которые делают Звезда Героя Социалистического Труда. За каждым из достигшим — труд, упорный, повседневный труд. Сколько терпения и выдержки нужно было иметь девушке-бригадире, чтобы вместе со своими подругами изо дня в день, с утра до вечера бережно ухаживать за своим участком сахарной свеклы и вырастить на нем небывалый урожай! Сколько работы, тревог, волнений! И все это преодолевается твердой волей.

Вспомните знатных людей страны: новаторы производства, молодых работников — обувщиц, текстильщиц... Это не только трудолюбивые, но и смелые девушки — они не стесались опровергнуть старые представления о нормах выработки, о качестве продукции.

Настоящий героизм не обязательно связан с риском для жизни. Героизм можно проявить не только в бою, в дальней экспедиции, в трудном походе и во время стихийного бедствия. Труд также становится героическим подвигом, если это труд творческий, окрыленный мечтой, беззаветный труд на благо народа.

«...Тот или другой конкретный факт героизма, стечение обстоятельств, при которых героизмо проявляется, — они нередко случайны. Но люди, которые совершили героические дела, могли использовать эти случаи стечения обстоятельств, потому что физически, психологически, морально и политически они были подготовлены к проявлению героизма», — говорил И. И. Калинин в 1945 году на встрече в ЦК ВКП(б) с девушками-воиницами, демобилизованными из армии и флота.

Есть отдельные горячие подвиги, которые хочется совершить подвиг сейчас же,

немедленно, прославиться обязательно завтра. Эти отдаленные представления юношества в глубине души даже сожалеет, что война окончилась раньше, чем они поспели бы сделать «большое пятно» на карте побед. Герои войны — герои безупречные. Арктика рифицирована до них. Таким фантазерам невдомек, что для героического подвига мало одного желания его совершить, мало одной физической силы, — нужна мужество, знания, расчет. Дико было бы сказать, нужно знать оружие и тактику, уметь применяться к обстановке. Для того, чтобы стать мастером высокого урожая, нельзя полагаться только на одну физическую силу — нужно еще отлично изучить агротехнику. И в каждом деле, большом и малом, нужно обязательно расчитать свои силы и возможности. Это и хорошо знает из личного опыта.

В 1933 году мне было поручено совершить скоростной перелет Москва — Камчатка — Москва. Самолет — предельно быстрый в кратчайший срок доставить по пути Хабаровск, Охотск, бухту Ногаева, Петропавловск-на-Камчатке и захватить оттуда письма в Москву. Значительная часть перелета была уже выполнена, когда я стартовал из Иркутска и взял направление на Байкал. Ночь 13 февраля я был над великим сибирским озером, а через три дня, утром 16 февраля, я очутился в забитованной густой Верхурической железнодорожной болотине.

Врачи обнаружили у меня несколько ран на голове и лице, из которых четыре были весьма серьезные: перелом нижней челюсти, семь выбитых зубов, большая рана на подбородке, обе брови глубоко расчесаны, глубокая царапина на лбу. Врачам пришлось наложить около тридцати швов.

Из материала аварийной комиссии я узнал, что, упав на Байкале, мой самолет сначала коснулся льда носом, аж и проломился. Видимо, самолет же пролетел над большим углом. Почему же произошла авария, чуть не стоившая мне жизни? Ответ очень прост: я заснул за штурвалом. Да, заснул на какую-то роковую секунду. Но почему же заснул? На свои силы, — говорил мне позже великий летчик нашего времени В. П. Чкалов, — Насколько мне помнится, вылета в двадцать часов ночи, а до этого ты спал? Конечно, нет. Ты знала, что перед таким перелетом надо отдохнуть. Но возбужденные нервы застаивались тебя бодрствовать. А это значит, если чересмерно тянуть струну, она обязательно оборвется. Ну вот, на Байкале она и оборвалась, не выдержала. Достаточно было тебе не секунду забыть — и самолет врезался в лед.

Меня избаловало собственное здоровье. Я слишком был уверен в своей выносливости. Возможно даже, что в те годы мне было свойственно некоторое устарение, преобладание к самому себе, а воля, такой, что мне ничего не делается! Была бы все остальное в порядке, а мой организм выдержит.

Я не раз замечал, что среди молодежи такое отношение к себе (не заботиться о своем здоровье, презрительно говорить об отсутствии) считается чуть ли не особым шиком. И всегда подобная самонадеянность влечет за собой рабскую, будь это ночные «бдения» перед экзаменами или изнурительные тренировки перед ответственным футбольным матчем.

В жизни огромное значение имеет умелое использование времени, четкая организация работы. Точное соблюдение установленного порядка дня — одно из первичных условий успешного воспитания внутренней дисциплины человека. «Привычка к точному часу — это привычка к точному требованию к себе», — писал замечательный педагог А. С. Макаренко. — Точнее, часе оставления постели — это важнейшая тренировка для воли, это спасение от ленивости».

Писаныя правила и методов воспитания волеи не существует. Можно было бы, конечно, привести здесь несколько сухих общих формулировок из учебников педагогики, но, мне думается, не в них суть.

Мне не раз приходилось встречаться с одним из авиаторов Арктики, известным полярником, смелым и мужественным человеком.

Однажды на Крайнем Севере после вынужденной посадки в тундре во время злейшей пурги мы коротали время, зарывшись, как куропатки, в снег.

— А я в детстве был отчаянным трусом, — сказала мой товарищ по полетам, — болел тьмоты. Ничего, привик, Паакаа, но сидел в темном чулане. Вывало, пойдешь с ребятами с гор на лыжах кататься, всегда старшеньяе обхватываю ступни. Присядят тебя друзья, ты, зажмурив глаза от страха, ринешься с горы и выкрик промчишься между деревьев. Поняя я, какую радость доставляет преодоление препятствий, и стал постепенно выбирать для всякого места, где погуднеше, покуроче, пошнее. Постепенно стал хорошим альпинистом...

«Жизнь без цели — это корабль без управления», — говорит поговорка. Важно иметь ясную цель в жизни.

Если такая цель есть, если ты стремишься принести пользу обществу, то это и поможет воспитать в тебе стойкий характер и непреклонную волю.

Твердая воля нужна человеку решительно во всем. Она помогает ему исправлять свои недостатки, ошибки, избавляться от вредных привычек.

Перечитайте книгу Н. Островского «Как закалялась сталь». Однажды при Павле Корчагине комсомольцы заспорили: может ли человек прожить среди животных, например, курение? Павел сказал, что, конечно, человек управляет привычкой, а не наоборот. Тогда один товарищ «поддел» его: «Словом со зломом. Это Корчагин любил! Сам-то он курит? Курит. Знает, что курение ни к чему? Знает. А вот бросить — гайка слаба...»

Корчагин вынул изо рта палитросу и сказал: «Я больше не курю». И действительно, он больше никогда не курил. Павел Корчагин был человеком сильным волей, она проявлялась у него и в большом и в малом.

Для того, чтобы испытать свою волю, не нужно искать случай и уж тем более придумывать себе испытания, без всякой нужды рискуя жизнью.

«...Понимаящему смелый человек никогда не будет рисковать без смысла, без цели, без необходимости... Вы хотите воспитать в себе мужество, ловкость, находчивость — очень хорошо. Это вам пригодится, когда вы станете взрослыми гражданами Советской страны. Нам нужны храбрые авиаты, но мужество воспитывается не на трамвайной подножке», — так писал большой друг молодежи Валерий Павлович Чапаев в своем обращении к ребятам «Воспитай себя — благородное дело».

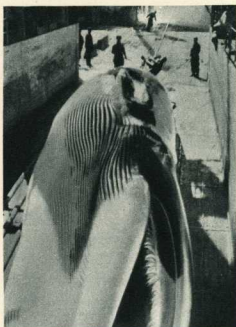
Подлинно мужественные авиаты — это авиаты, которые в повседневной жизни умеют подчинить себя разумной дисциплине, умеют упорно идти к поставленной цели. Их оружие — знания и твердая воля. И выковывается это оружие в молодые годы.

На пути к нашей цели — коммунизму — нам предстоит еще много сделать, работать напряженно, творчески. И советский молодой человек должен пройти этот путь, быть уверенным в своих силах, бесстрашным, готовым к подвигу.

Комсомолцы «СЛАВЫ»

А. Соляник, капитан-директор китобойной флотилии «Слава».

Подъем кита на разделочную палубу. Фото С. Когана.

Взгляните на карту, мысленно перенеситесь к берегам шестого континента — Антарктиды. В водах Антарктики ведут ныне промысел забытые коты — кашаток — китобойцы флотилии «Слава». Восьмой рейс морских «Слав» пришел в воды Южного полушария. В нашей флотилии шестнадцать кораблей. Флагман, китобойца «Слава» — самое большое промысловое судно в стране. Охотятся на китов на маленьких, юрких корабльках — китобойцах. Их экипажи укомплектованы смелыми, мужественными и выносливыми моряками.

Антарктика — край суровый; тут часты штормы, ураганные ветры, снежные бури, туманы. Если учесть, что коты нередко развивают скорость нурьского поезда, а мощность их, — например, голубого кита — достигает тысячи семисот лошадиных сил, станет понятным, какой отваги и ловкости требует охота на этих морских гигантов.

Немало замечательных страниц вписали в историю китобойного промысла комсомолцы

«Слав» — матросы, конюганы, штурманы, помощники гауптвахты. В восьмой рейс в Антарктику вышел матрос комсомолец Александр Буржак. Ему не раз приходилось в штормовую погоду разделять многотонные туши китов. Шестой рейс совершает Александр Литвичев, награжденный почетной грамотой ЦК ВЛКСМ. Вместе с ним добровольно трудится резчик Павел Вихорев, член комсомольского комитета.

Комсомолец Николай Курсков работает штурманом на китобойце «Слава-6». Выдержав суровый антарктический экзамен, он зарекомендовал себя умелым судоводителем. Воды Антарктики коварны. Здесь множество айсбергов, дна которых нередко достигают нескольких десятков километров. Курсков бдително несет вахту, обеспечивает безопасное плавание кораблю, умело ориентируется в трудной обстановке поиска китов. Второй год Курсков руководит судовой комсомольской организацией.

Комсомолцы — наши верные помощники во всех делах. По их инициативе на кораблях флотилии развернулась борьба за экономию топлива, пара, пресной воды, электроэнергии. На флотилии широко поставлена физкультурная работа. Ведущее место в спортивном обществе занимает молодежь. В один из рейсов в десятибалльный шторм ночью смело за борт комсомолец Евгений Державина. Отличный пловец, закаленный физкультурник, он продержался в холодной воде более часа, пока не подоспела помощь.

Охотясь на китов в далеких водах Антарктики, советские моряки упорно овладевают знаниями. В нынешнем рейсе на флотилии открылся филиал одесской средней заочной школы № 5. Знание проходит строго по расписанию. Половина заочников — комсомолцы.

Комсомолцы флотилии «Слава» стали на трудовую вахту в целх XII звезды ВЛКСМ. Мы привыкли, когда комсомолцы дают слово, они обязательно его сдерживают. Так было все наше рейсы. Так будет и на этот раз. Вместе со всем коллективом китобойной флотилии самоотверженно трудятся комсомолцы. «Слава» закончил свой восьмой антарктический рейс новыми производственными достижениями.

А. СОЛЯНИК, капитан-директор китобойной флотилии «Слава». Антарктика.

В. АРХИПЕНКО

СЛОВО АГИТАТОРА

Валентина Лошкарева — сельский библиотечар. Биография у нее простая. Росла здесь же, в Павловке, Курской области, училась в школе. Потом окончила библиотечный техникум и вернулась на работу в родное село. Вот, собственно, и весь ее жизненный путь. И лет ей еще не много, но на селе ее все очень уважают.

Когда коммунисты колхоза поручали Вале работу агитатора, они знали, с какой заботливостью относятся эта девушка к людям, как добросовестно выполняет партийные задания.

О своей первой беседе, хотя с этого дня уже немало времени прошло, Валя может рассказать так, будто это было вчера.

«Она пришла на колхозный ток к обеденному перерыву. Время было горячее, каждая минута на счету, и Валя начала беседу, не дожидаясь, пока люди кончат обедать. Коротко рассказала об уборке урожая в районе, о работе соседних колхозов.

К концу беседы Валя начала все больше волноваться: ведь сейчас начнут задавать вопросы, и вдруг она не ответит. Тогда со стыда сторпши. Скажут: «Ну и агитатор!» Однако ничего страшного не произошло. Кто-то спросил, успешно ли работают комбайнеры, и Валя сразу же ответила. Других вопросов, к ее радости, не задавали. А на прощание сказала: «Спасибо, Валентина! Приходи к нам почаще».

В село девушка возвратилась довольной. И лишь впоследствии она поняла, что если люди не вступают в разговор, то, значит, беседа была неинтересной. Конечно, не всегда удается сразу ответить на любой вопрос, но в этом нет ничего плохого. Нужно только обязательно ответить на него в другой раз. А вопросов ей теперь падать немало. И не только в часы бесед, а даже при встрече на улице.

Работая агитатором, Валя поняла, что дело не только в том, чтобы проводить беседы, а в том, чтобы помогать людям в их

работе, заботиться об их нуждах, об их росте. Агитатор не посторонний наблюдатель, а активный участник всех дел.

Прошлым летом партийная организация послала Вале работать агитатором среди трактористов и комбайнеров. Девушка стала частым гостем на полевом стане. Она не только рассказывала механизаторам о текущих событиях, но и сама выпускала «бюветные листки», писала «эмоции», рисовала плакаты и карикатуры.

Особенно много пришлось поработать ей в дни избирательной кампании. Первым делом она написала на белом листе бумаги текст: «14 марта 1954 года выборы в Верховный Совет СССР. Все на выборы!» Этот самодельный плакат повесила на видном месте в библиотеке. Потом подобрала литературу к выборам, разложила на столе брошюры, нужные агитатором колхоза, а над ними прикрепляла табличку: «Угол агитатора».

К первой беседе Валя готовилась, как всегда, терпеливо и тщательно. Тема беседы — «Самая демократическая избирательная система». Слушала Вале с удовольствием: рассказывает она просто и интересно. А в конце беседы она незаметно перешла к колхозным делам.

— Вот сейчас по всей стране народ приходит к выборам с новыми успехами. Каждый старается работать лучше. А как у нас в колхозе? Посмотрите, как работает зятьевая Мария Сердечная. Весну она встретила в готовности: у нее и удобрения припасены и влаги на полях будет достаточно, потому что по-настоящему снегозадержанием занималась... А вот колхозница Жеребцова иной раз и на работу выйти ленится. Весь колхоз на снегозадержание выходит, а она дома отсиживалась.

— Это верно! — радiallyсь голоса.

— За спиной у бригадира прячется. Она ему дьямница.

Беседа затягивалась, но никому не хочется уходить. Колхозные дела волнуют всех, и крепко до-

Первое поручение.

Фотограф В. Пескова.

стается в разговор тем, кто тянет колхоз назад. Расходятся по домам оживленные и довольные.

Каждую пятницу собирает Валя избирателей. Тем для разговора много, а жизнь с каждым днем подкашивает их еще больше. Совещание работников сельского хозяйства в Кремле, Берлинские совещание министров иностранных дел четырех держав, отъезд комсомольцев на целинные земли. Обращение Центрального Комитета КПСС ко всем избирателям — сколько волнующих вопросов, сколько откликов! Валентина помнит, с какой гордостью слушала Обращение Центрального Комитета ее одессельчане.

Да и как же радоваться успехам своей Родины, стремительно движущейся вперед! Велики победы советского народа. Уже в прошлом году объем промышленного производства нашей страны в два с половиной раза превзошел уровень 1940 года. 38 миллионов тонн стали, 320 миллионов тонн

угля, 133 миллиарда киловатт-часов электроэнергии, 52 миллиона тонн нефти — эти цифры люди все принимают с радостью, с законной гордостью советского человека.

С каким удовольствием встретили весть о новых успехах Советской страны валынцы одессельчане, с каким одобрением говорят они о политике Коммунистической партии! Велика забота партии о счастье народа, и народ всеми силами поддерживает все ее начинания. Выражением великого единства партии и народа является блок коммунистов и беспартийных. И во всей стране советские люди полны стремления отдать свой голос кандидатам этого блока.

Наша советская действительность день за днем радует замечательными событиями, выдающимися достижениями и победами. И Валя оглавлена все силы своему любимому делу. Быть агитатором для нее — это идти в ногу с жизнью, помогать людям расти.

В горах

Казахстана

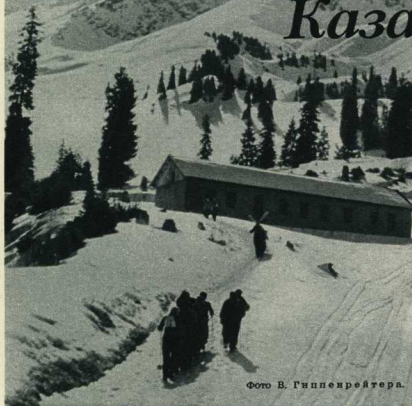

Фото В. Гипперрейтера.

Всего несколько километров отделяет плато Чимбулак в Заилийском Ала-Тау от столицы Казахстана. Дорога идет по живописному ущелью реки Малой Алма-Атинки, затем уходит в горы, где вытеся мощные заснеженными тундрскими елями.

Здесь, на склонах плато, заповестили синие и красные флажки, замелькали фигуры лыжников. Сюда пришли спортсмены.

Всего три года занимаются в Казахстане лыжным спортом. На одном из перевалов выросло здание базы. Надвиг лыжи, спортсмены уходят в горы. И вскоре вниз по трассе спуска мчатся первые слаломисты.

Вот тренируется Александр Артеменко, мастер спорта, чемпионка Советского Союза по горному двоеборью. Она занимается в Алма-Атинском институте физкультуры, передает свой опыт молодым спортсменам.

Позапрошлой зимой пришел в секцию горнолыжного спорта Василий Дзанбеков. Для него теперь доступны сложные трассы слалома. Четко он прокладывает трудную дистанцию скоростного спуска и на равных правах с мастерами спорта оспаривает звание чемпиона страны.

...Внизу, в долине, уже нет снега, а здесь, в горах, лыжники продолжают тренироваться.

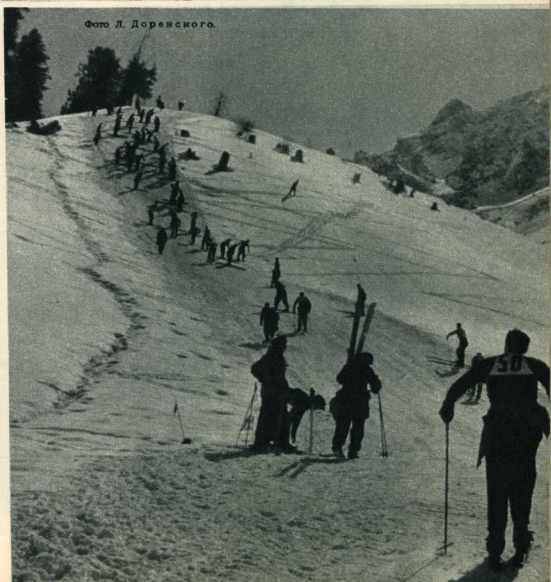
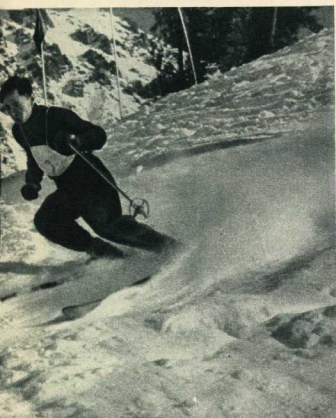
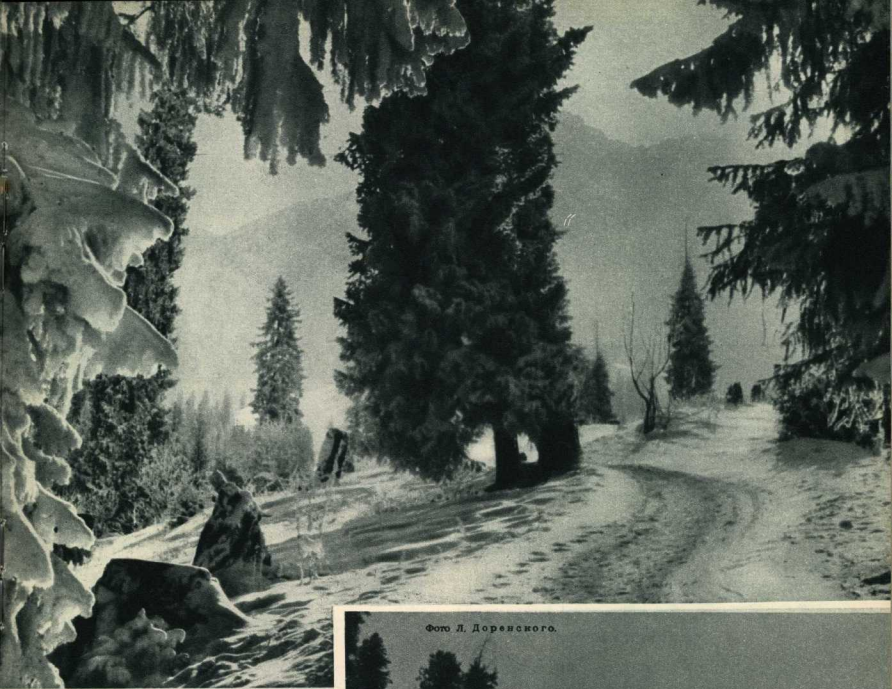

Фото М. Евстратова.

На первенство страны

Русский хоккей издавна полюбился нашей молодежи. Этим видом спорта занимаются десятки тысяч юношей и девушек во всех городах Советского Союза.

Нашею змеей лучшие команды Москвы, Ленинграда, Свердловска, Красноярска и других городов оспаривают звание чемпиона страны по русскому хоккею. И здесь особенно заметно, что мастерство наших спортсменов из года в год растет. Этим объясняется тот огромный интерес, который вызвали соревнования на первенство СССР, проходившие недавно в Воронеже на стадионе «Лицеинск».

Сильный коллектив московского «Динамо» в первый же день испытал горечь поражения. Динамовцы проиграли в упорной борьбе со счетом 4:5 обладателю Кубка СССР прошлого года — команде «Торпедо» (Красноярск).

Не ушли от поражения и прошлогодние чемпионы страны — армейцы Свердловска.

Бое нагнет дилась борьба на хоккейном поле. Ценой больших усилий победы добилась команда ЦДСА, которая не проиграла ни одной встрече. Команда состоит из молодых, очень быстрых игроков, обладающих сильными ударами, умеющих вести коллективную игру. Это обеспечило им победу.

На снимке: момент игры между командами ЦДСА (Москва) — «Энергия» (Ленинград).

ТОРПЕДОВЦЫ ГОТОВЯТСЯ...

На дворе еще метет снежная поземка, по ледяным дорожкам мчатся конькобежцы, но диктор на стадионе «Динамо» во время одного из последних хоккейных состязаний уже объявил: «Принимается заявка на футбольные абонементы».

Близится пора футбола! Впрочем, она уже наступила давно — с первых дней нового года, когда в спортивных залах появились вратари, защитники, нападающие и посылались звонкие удары по мячу.

Давайте взглянем с вами к футболстам Автозавода имени И. В. Сталина — к московским торпедовцам. По возрасту игроков это одна из самых молодых команд в классе «А»: девять человек из ее состава носят на груди комсомольские значки.

...Спортивный зал техникума автозавода. Окна, электрические лампы аккуратно затянута предохранительными сетками.

— К сожалению, удары наших футболистов не отличаются еще такой точностью, чтобы гарантировать целостность стекол, — шутил тренер команды мастер спорта Георгий Жарков. Он сейчас ведет занятия с группой футболистов. Стоя в углу зала, Жарков бросает мячи навстречу набегоющим спортсменам. Удар — и мяч в воротах! Правда, это не те ворота, которые мы привыкли видеть на стадионах: здесь нет боковых стоек, перекладины. Вместо них широкие голубые ленты. Да и сами торпедовцы мало напоминают по внешнему виду футболистов: на ногах вместо ботинок — резиновые тапочки, вместо футболок и трусов — лыжные костюмы.

— Внимание, — слышится голос тренера, — а теперь поиграем в квадрате.

Четверо игроков, стоя по углам квадрата, передают друг другу мяч. Одна неточная передача, и вольный — Юрий Чайко — перехватывает пас. Ошибку допустил Борис Сафронов, и теперь настала его очередь водить...

Тренировка подходит к концу. Это занималась группа, перед которой ставилась задача отработать технику. А теперь в зале появляются вратари и те игроки из команды, кому особенно следует поработать над ударом по воротам. Занятие начинается быстрой

фото В. Захарова.

За тренировкой наблюдает тренер Г. Жарков.

Николай Морозов. В его руках блокнот, где отмечаются недостатки того или иного игрока.

Зимний период торпедовцы используют не только для занятий в зале. Три раза в неделю они ходят на лыжах, играют в футбол на заснеженном поле. Но больше всего футболисты автозавода любят хоккей с шайбой по так называемым «свободным» правилам. Он развивает смелость, помогает овладеть игрой корпусом.

Четверо из футбольной команды мастеров: Юрий Золотов, Борис Хренов, Анатолий Архипов, Борис Сафронов — защищают честь первой хоккейной команды автозавода в розыгрыше первенства столицы.

Интересы торпедовцев далеко не ограничиваются только спортом. Этой зимой почти все они упорно учились. Юрий Чапко занимался в Институте народного хозяйства имени Плеханова. Комсомолец Виталий Вацкевич учится в школе тренеров; комсорг команды Юрий Золотов и Борис Сафронов посещают школу рабочей молодежи. Вратарь команды Олег Михайлов, преемственный баянист, учится в музыкальном техникуме.

В зимние вечера торпедовцев часто можно было видеть во Дворце культуры Автозавода имени И. В. Сталина. Много встреч провели они с рабочими в цехах своего завода, со зрителями в кинотеатрах, с ребятами на скачках, рассказывали о своих поездках за границу, о футбольных встречах в прошедшем году.

Каковы же планы торпедовцев на будущее, как будет выглядеть состав команды в наступающем сезоне? Старший тренер команды Морозов рассказал нам:

— Честь коллектива Автозавода имени И. В. Сталина нынчешним летом будет защищать многие футболисты, уже знакомые любителям спорта, — это Михаил Бычков, Августин Гомес, Анатолий Архипов, Николай Семенов, Леонид Самохин, Лев Тарасов, Владимир Нечаев и другие. В нашей команде существует хорошая традиция — выбирать молодежь. Ведь, как правило, во всех ответственных соревнованиях последних лет исход борьбы решали наши молодые футболисты. Достаточно вспомнить Кубок 1952 года. Исход встречи был определен одним игроком, который провел в ворота «Спартака» молодой футболист В. Петров. И, наконец, чемпионат прошлого года, когда третье место и бронзовые медали были закреплены за нашей командой лосеца удара Евгения Малова по воротам московского «Динамо» за 85 секунд до финального свистка. Поэтому мы и сейчас стремимся пополнить наш состав молодежками из клубных команд нашего заводского спортивного коллектива. Думаю, что в основном составе нашей команды еще в нынешнем сезоне зрители увидят на месте центрального нападающего семнадцатилетнего сына Эдуарда Стрельцова. Высокий рост, быстрый бег, хорошие удары в ворота — индивидуальные качества этого одаренного спортсмена. Игравшего в прошлом году за юношескую команду автозавода. В той же команде играл и левоый защитник — техник автозавода восемнадцатилетний Леонид Гольцов, также включенный ныне в состав коллектива мастеров.

Комсомолец Владимир Власкин занимает десятый класс. В первенстве страны прошлого года он выступал за сборную юношескую команду столицы в линии нападения и проявил себя с наилучшей стороны. Юрий Аксенов, рабочий завода «Красный пролетарий», играл в клубной команде «Торпедо» на месте первого полузащитника.

Оба футболиста также введены в состав нашей команды.

Времени до начала чемпионата страны осталось немного. Как известно, он открывается на 10-е 4 апреля.

Мы надеемся, что наступательный дух молодежи нашей команды в сочетании с опытом старшего поколения и та серьезная подготовка, которую мы провели и будем вести дальше, дадут свои плоды, — заключает свою беседу Морозов.

В. МАРЬЯНОВСКИЙ

Рисунки Е. Щеглова.

А. ОДИНЦОВ

БУМАЖНЫЙ ЗАСЛОН

Клавда Назарова, раскрасневшаяся с мороза, запылавшаяся, адела в кабинет Макарова.

— Владимир Алексеевич, несправедливо! Всем дают по три пачки, а нам только две. Я им говорю, а они смеются: хвятил, мол, с вас этого. — Она возмущенно бросила на стол врезки. — Форменное безобразие!

— Кому говорил? Какие пачки? Кто смеется? — недоумевал секретарь райкома комсомола.

Но все оказалось довольно простым. Магазины Кингитора получая папиросную бумагу, на которую покупались многие районные организации по той причине, что на ней можно сразу печатать в девяти экземплярах.

— А двух пачек нам не хватит? — вслух размышлял Макаров.

— Что вы? — ужаснулась звучетом Клавда. — Еле-еле месяца на два. Она а вздохнула и, с минуту помолчав, предложила:

— Повоинте в Кингитор: может, дадут еще пачку, тогда проживем. До апреля, пожалуй, дотянем. Как же нам без бумаги, а?

— В прошлом году Зина Киселева окончила десятилетку и решила остаться работать в родном колхозе имени С. М. Кирова. Ндавно ее избрали секретарем комитета комсомола. На другой день она «привалила дела». Это были три пачки. Одна — вывалилась. «Степеновиче дело № 2 с протоколом комсомольских собраний. Начато 28.VII.51 года». Почему так странно именовалась пачка, сказать трудно. Во второй пачке были ведомости, в третьей — узкие полоски папиросной бумаги. Их содержание и даты на них были разные, но заглавные и за-

канчивались они одинаково. Сверху писалось: «Секретарю первичной комсомольской организации тов...» Далее: «РК ВЛКСМ обязывает.» Внизу стояла размашистая подпись Макарова.

Зина стала читать эти бумажки. Они были написаны в прошлом году. В них говорилось о подписке на комсомольскую газету «Сталинец», о зимовке света, об уплате членских взносов, о политечбке, о наборе в школы механизации о футболе, о сборе дома, о проведении кросса, о подготовке к учебному году, о сносе о подписке на газету «Сталинец», о сенюсе и так далее. Словом, Зина нашла двадцать шесть писем.

Для конферта лежали еще не распечатанными. В одном из них оказалась бумага, в которой просили составить список вышедших и не вышедших с учета. И Зина сразу вспомнила трех знакомых ей девушек.

Комсомолки они или нет? Комсомольские билеты у них есть, у одной даже учебная карточка лежит дома; забрала ее, когда ездила поступать в техникум. Значит, комсомолки. А почему же они нигде не числятся? Ни в колхозной, ни в ученической организации. Почему в школе их считают выбывшими, а в колхозе еще не приписанными?

Зина представила себе, что вот уже всех колхозов в райком придут списки, там составят общий и оглодают в Рязань. Потом районные списки в области переищут и пошлют в Москву. А дальше, что же дальше будет делать? Как писать в Москве с Раей Шенелевой и Тоней Мочаловой, подвозившими кормов, очень хорошими девушками? Неужели узнают в Москве и о юном почтаре Тоне Чиневой, которой

не захватили Иван Владимирович, заведующий отделением связи?

— Побегать к этим девушкам, сказать им о том, что пришла такая бумага, поговорить, высветить, почему они не стали на учет? Ведь бумага какая-то причина! Она догадывалась, что дело тут не только в самих комсомолках, что тут немалое значение имеет и влияние религиозных родителей.

— А как будет хорошо, если ей удастся убедить родителей? Она станет ходить к ним, они поговорят, прогут вместе какую-нибудь книгу. Пусть это займет неделю, месяц, но зато...

— Зина собралась было сразу идти, но вспомнила про второй концерт. Там лежала давка листа. В одном говорилось о проведении лекционной кампании в порядке работы ДОСААФ. В обоих стояло: «РК ВЛКСМ обязывает немедленно...». И пойти к девушкам уже не пришлось. Зина решила, что нужно собрать членов комитета комсомолом и обсудить поручения райкома, требующие немедленного ответа.

— Но пришел только один Виктор Кузьмин, кузнец. Он прочитал все письма и строго сказал: «Надо отвечать». Выехте они составили список, в который внесли двух Тоню и Раю, потом договорились в КОС сделать доклад, познакомиться с письмом бригадира, который был председателем сельской организации этого общества.

Насчет третьей бумажки Зина сходила к библиотечнице, и та сказала, что нужно организовать артель, а не школа, где их взять? В сельские новые книги не дают.

— Так прошел день, потом второй. Пришли еще письма из райкома, накопились еще какие-то дела, и Зина так и не вышла временим зайти к девушкам. Это надо гулять, надо познакомиться, но успеваю, но успеваю, но успеваю... Письма уже посланы.

— Бумага, бумага, бумага. Устает рука листать плотные серые страницы, разное задание на ротаторе. Это уже не успеваешь райкомские листки. Каждое решение из двух-трех страниц, или которыми трудилось немало людей. Вот решение бюро обкома ВЛКСМ о чтении лекций на сельскохозяйственных предприятиях, вот — о проведении звездной сессии, о зимние школы, о семинаре молодежи о трудовой дисциплине, о конкурсе комсомолом друг на друга. Письма эти приходят в конвертах, запечатанных сургучом, с надписью «секретно», хотя секретного в них ничего нет, даже напротив, обо всем, что написано, нужно объявить во всеобществующую бумага работы? Ведь если в организации интересно, если в ней заботятся о комсомольце, если бережно и любовно относятся к людям, то любому юноше и девушке захочется работать в такой организации. Это и будет рост. А тут рост — цифры. Значит для того, чтобы оправдать недостатки и слабости в работе?

В райкоме привыкли к стандартным телеграммам из обкома. Вот они: к такому-то числу сообщите расстановку комсомолов на вечеринке, или на фемеле, или на уборке прироек... Ну, отправляем сведения в обком, и все. Никто нам не отвечает, правильно мы расставили силы или нет. Да об этом, честно говоря, никто и не думает. Нужны цифры. Цифры, цифры, получают больше, — так рассказывала Волода Макаров.

— Райзский обком, Шиловский райком, комитет комсомолом артели имени С. М. Кирова. Какие между ними связи? Бумажки. Бумага выполняет основную нагрузку. Руководит

ле пример, не живое слово, а бумага, приносящая мало пользы молодежи колхоза.

— Перед новым годом Шиловский райком проделал большую секретарскую работу в комсомольских организациях. Первую лекцию о сентябрьском пленуме ЦК КПСС и заданиях комсомола прочитал Волода Макаров. Лекция была интересна. Но Волода не был лектором, он был лишь читком, но текст готовил не он. Шиловский райком выдал список с программой лекции из ЦК ВЛКСМ. Правда, Макаров заменил кое-где фамилии — и только.

Думается, что незначительный на первый взгляд факт говорит об очень многом. Если бы Волода переработал доклад, внес местные факты, кое-что прочул, то были бы не было в том, что хорошая готовая лекция взята за основу.

Однако ничего этого делать Волода не стал. Здесь прираживаются много правды. Бумага приводит примеры, указываемые другими! Не потому ли и Миша Курпирин, заводчик, и комсорг колхоза Зина Киселева, и другие даже беседы с молодежью вели по бумажке и речи на собраниях, когда нужно было говорить о том, что значит тот или другой пункт.

— Осторожное искусство, конечно, — дело трудное. Но в конце концов не так уж важно то, как сказал; гораздо важнее, как сказал, как ответил на возникшие вопросы, как выявил общие положения в жизни родного района, колхоза.

А в заране написанной речи врять идя все это удачно сплелась.

Какова же непосредственная связь комсомольского работника с молодежью? Вот что рассказывает районком.

Приезжал секретарь обкома. Выступил на конференции и уехал. Был инструктор. Он жил три дня в райкоме. Его пребывание оставило известный след. В райкоме внимательно следили за поступками, решениями, за тем, что он говорил.

Первый разговор был такой: куда ехать? Волода Макаров предлагал отстать колхоз, но где энергично работает комсомольская организация, стремится поправить колхозные дела, пусть едет туда, туда же едет лучший колхоз, ибо раз дела артели хорошо, — значит, и комсомол там работает хорошо. И установка осталась: о работе с молодежью судить по показателям работы артели.

Инструктор собрал науку цифр, сведений, так как в основном райкомовцев со своими выводами.

Макаров решил тогда, что и не делал он этого потому, что свои выводы готовил для кого-то другого, а не для комсомольцев Шиловского района.

Может, не стоило бы и говорить о двух вариантах, если бы их поведение было случайным. У нас это считается работой, когда комсомольский активист где-то «попылал». Не селая, не организовав, не научил, а только «попылал».

Почему бы этому товарищу не проинструктировать секретаря и бюро райкома? — говорит Волода Макаров. — Ведь нам нужна левая помощь. Резолюции писать умею, планы составлять умею. А вот как побороть объединенную руку, как сделать содержательнее работу комсомольской организации?

Секретарь райкома ждал от инструктора большого разговора, добрых советов. Ему казалось, что после приезда инструктора что-то должно измениться, что-то проясниться.

Инструктор же, не научил, а только «попылал», да любил притяжки товарищи, а они ему говорят: «Вот бы у нас парней! Вечер молодежи организовал. В воскресенье устроили лыжный поход. Вместе со всем комитетом комсомолом острей, что Райзский обком, посылал удобренный лютов. За Новым наступил, а то ее тут общеди. С Тоней поговорил насчет ее поведения. Добился в сельхозте, чтобы нового избача поставили...»

Слушает Макаров и думает: «Вот это примечательно, не надо». К сожалению, этого не было, пребывание инструктора в рядах село прошло для молодежи незамеченным.

Все же необходимо для руководящего актива знания и изучения жизни стала истинно острой, что Райзский обком, посылал инструкторов для секретаря райкомов ряд экскурсий.

И вот в колхоз, где работает секретарем комитета ВЛКСМ уже известная нам Зина Ки-

селева, идет второй секретарь райкома Вася Катыхов и заводчик Миша Курпирин. Часа через два они уже сидят в комнате у Зины.

— Давай, Утром вылетает на пригорок К вам в колхоз едут на экскурсию двадцать пять первых секретарей райкомов, надо подготовиться.

— Все ясно и славно, Миша и Зина: выслушают стенограмму, украсят своими стюдами. Утром вылетят на пригорок и смотрят на два. Стога еще са снежными шапками издают пламionarioм крестьянские избы. Но вот среди стогов на дороге появляется машина, за ней другая, третья. Машины много, среди них иша «Волга». Стога остаются только в правления колхоза. Машины из района, из ближайших артелей.

В числе экскурсантов — секретарь обкома Шура Ишанкова и другие работники обкома. Экскурсия проходит интересно. Отлучив безумно активисты смотрят, как делаются торфорезные горючки, осматривают ферму, восстанавливают красным угольком: тут и журналы, и свежий номер стенограмм, и как уютно, тепло... Там же долго молчат. Там же и еще ждут комсомолом Тоня Орлова, дворка, Герой Социалистического Труда. Она рассказывает о своем опыте. Под конец Шура Ишанкова обращается к Тоне:

— Ну, что вы на вопросы, товарищи Орлова? Никаких? Ну, что от нас требуется? Чем вам помочь? Значит, ничего не нужно? Пишите, ежечел, что... — заключает она, уже направляясь к выходу.

Эксперимент закончен. Когда все уезжают, Зина и Тоня долго молчат. Потом Зина говорит: — Что же ты про комсомольскую группу-то не сказала, да и про себя? Может, посетовали бы что, ведь сколько раз ходили в правление, а толку мало...

— Да, как видишь, что за разговор? — И Тоня, как всегда, не соглашается. Зина: — Все тоже же! Иногда порывается работать комитет, не все комсомольцы ходят на занятия, я, самое главное, нет активности. Что будем делать? Во время приезда в село секретаря райкома не волновал вопрос о работе комсомолом в райкоме, а в райкоме комитет работает нормально. Тут действительно то же ложное мнение: раз много молодежи в животноводстве, раз общие показатели артели высокие, — значит, это заслуга комсомольской организации. Неглубокий вывод.

И еще. На экскурсиях говорили о росте доходов, методах животноводства, об успехах ферм, о лучших коряках-рекордистках, о торфорезных горючках. Не говорили толком о людях.

Зина удивляется, почему все комсомольские руководители, приезжая в село, не спрашивают о людях, о том, чем занимается молодежь в свободное время, чем интересуется; почему некоторые из ребят улыбаются, почему кто-то и начинает ходить в райком на собрания.

— Бумага закончена все! — думает Зина. — Зарылись наши активисты в бумагу и не видят людей...

Так думают не одна Зина. Так думают и Макаров и все райкомовцы. Видно, много раз в село приезжал инструктор и еще мало настоящих руководителей: жокаж, зштейнжков, заводчик, всеобщая, к которым бы тынулась молодежь. С этим пока у нас еще плохо.

Зина уверена, что главное сейчас в комсомольской работе — это повышение интереса к работе, к разговорам, а дело. Увидев комсомолец недостатки на ферме, в клубе, в гараже, на вододакже — исправля, устраня, — словом, действуй. «Но как привлечь к этому молодежь, — думалась Зина, — у кого спросить, научиться, где узнать...»

Зина и другие понимают, что неполадок здесь много. И это говорит о том, что юноши и девушки вперед окупают грандиозность задач, стоящих перед страной, им не хочется глестись в какие события, им хочется глестись в какие-то конкретные задачи. Комсомолом, помощника партии, авантюра молодежи.

Рязанская область, Шиловский район.

За Полярным кругом.

Фото К. Коробицына.

• Ванжа Орико

Около месяца пробыла в нашей стране известная бразильская артистка Ванжа Орико — исполнительница народных песен. Молодой певице двадцать три года, но она уже широко известна на своей родине. Особенную популярность получила Ванжа Орико после выхода в свет фильма «Монтасейро», в котором она играла одну из главных ролей. На кинофестивале в Киингах этот фильм получил премию за лучшее исполнение народных песен.

В конце прошлого года Ванжа Орико в составе Бразильской делегации приехала на сессию Всемирного Совета Мира, состоявшуюся в Вене. И вскоре по приглашению Советского комитета защиты мира она посетила нашу страну.

Молодая артистка побывала в Москве, Ленинграде, Сталинграде и Киеве. Концерты, данные ею в этих городах, прошли с большим успехом. Ванжа Орико пала для советских зрителей народные бразильские, негританские и индейские песни. В Москве на одном из концертов певица сверж программы спела на русском языке романс Чайковского «Забывь тан сюора» и песню Лили из оперы Римского-Корсакова «Снегурочка».

Поездка по Советской стране произвела на молодую певицу большое впечатление. В последний вечер в Москве Орико спросила, довольна ли она своей поездкой по Советскому Союзу.

Молодая певица задумчиво сказала: — Я более чем счастлива... Это были незабываемые дни.

Она промолчала, как бы собираясь с мыслями и добавила:

— Еще раньше я много слышала о том, что советские зрители очень тонко воспринимают музыку, но никогда я не думала, что это может быть до такой степени. Мне вышло счастье побывать в нескольких городах вашей страны. И везде меня принимали очень хорошо.

У вас чудесные города, и мне трудно сказать, какой из них понравился мне больше. С архитектурной стороны, пожалуй, Ленинград. По своей красоте и живописности — Киев. Этот город, расположенный на холмах, должно быть, особенно красив летом. Ну, а как можно забыть Сталинград и Волго-Донский канал!

Но сердце Советского Союза — это Москва. И я сразу почувствовала это. При первой встрече этот город настолько ошеломляет, но потом он быстро становится родным. Мне никогда не забыть один день — день, когда я пошла в Малый театр на Красной площади. Я принесла туда свои любимые цветы. Когда я вышла из Малого, наступали сумерки. Старые стены Кремля на фоне желтого предвечернего неба казались как-то по-особому яркими. Первые отсветы зари дождались на моем плече, и первые огни Москвы, как бесчисленные звезды, вспыхивали вокруг.

И вот в этот миг и поняла, что Москва навсегда вошла в мое сердце.

Павел ШЕБУНИН

ЗОЛОЧЕНАЯ ПИЛЮЛЯ

Рассказ

Злата не могла жить без увлечений. На втором курсе она увлеклась музыкой. Этому способствовала дружба с Инной Синельниковой. Трудно сказать, почему Инна пошла на исторический факультет. В ее голове постоянно звучали мелодии Глинки, Чайковского, Шопена, Брамса. Она напевала их в коридорах института и по дороге к автобусной остановке, играла дома на расстроенном пианино с потускневшим лаком и старомодной резьбой.

Злата не могла решить, в кого она больше влюблена: в Инну или в музыку. У себя Злата никаких особых талантов не замечала, училась — лишь бы стипендия не лишилась.

Она мерзла вместе с Инной в очередях за билетами в Консерваторию, и Злате имела Чайковского, а Инреда и в Большой театр. На концертах Злата сидела с таким же серьезным видом, как и подружка. Конечно, она предпочла бы симфоническим концертам эстрадные, на которых исполнялись песни из кинофильмов, — это и понятней и веселее, но Инне ничего об этом не говорила, боясь потерять ее уважение, и делала вид, что в восторге от прослушанных симфоний.

Быть может, она и полюбила бы классическую музыку, если бы не почувствовала, что ее пачкает тиготит дружба с не в меру серьезной Инной. Инна была готова отказывать себе во всем, лишь бы сэкономить деньги на билет в Большой театр. Даже в те дни, когда выдавали стипендию и в студенческой столовой наступало веселое оживление, Инна брала неизменные блюда: борщ без мяса, кашу или вермишель. А Злате хотелось взять и пирожных и конфет. Но она не реншалась на такое девичье удовольствие, чтобы не уронить себя в глазах Инны.

Подобное подвигничество было Злате не по душе, она терпела его лишь из любви к Инне. Эта дружба доставалась Злате не легко: Инна сердлась, когда Злата получала посредственные оценки на зачетах и бегала передавать.

— Не умешь ты планировать свое время. Какая же из тебя учительница выйдет, если ты ничего не будешь знать — учорна она Злату.

У Златы обычно был такой виноватый вид, что Инна шла на уступки:

— Ладно, на концерт пойдем, только возьмишь за ум. Тебя уже на курсовом

биро обсуждать хотит. Ты ведь школу с серебряной медалью окончила, а теперь всею группу подводишь.

Злата только вздыхала. Как объяснить требовательной подружке, что в Москве столько соблазнов! Концерты концертами, но ведь хочется сбежать в кино, или на капог, или просто побродить по улицам, рассматривая витрины, мысленно прикинуть, пошла бы ей эта шляпка, отелсанная белыми перышками, или какое платье можно было бы спити из того шелка с разбросанными по голубому полю цветами.

Постепенно Злата почувствовала, что ее больше тянет к хорошебракаи Маше Зигуновой. Маша умела одеться. Не потому, что у нее была возможность тратить больше денег на наряды, чем у других студенток, но какой-нибудь шаконый воротничок, вышитый руками Маши, обновала платье, а сделанные из шерстяных лоскутов цветы преобразжакаи шляпку.

Маша была жемчужинкой, умела задуительно смеяться. Она была отличницей, но никогда не жаловалась на бессонные ночи, как Инна. Казалось, что учение дается ей легко. Маша увлеклась спортом,

играла в волейбольной команде института. Зимой ходила на лыжах. Старалась не пропускать ни одной новой кинокартины. Словом, Злата почувствовала в ней родственную душу.

Чем больше Злата сближалась с Маншей, тем холодней становилась ее отношения с Ингой. Уже несколько раз Злата отказалась от посещения концертов, осмелев на занятость. Училась она действительно стать лучше, потому что, сидя рядом с Маншей, было вечно читать даже наскучившие учебники.

— Инна — умница! — говорила Маша, шуря голубые глаза. — Только уж слишком у нее все в жизни размерено. Она, конечно, станет научным работником, отлично защитит диссертацию. В свободные часы будет музицировать. Выйдет замуж за такого же отаинного человека, как она сама. Ей никогда не будет скучно, но и до самой смерти никого не будет вечно. Такой уж она человек. Без изюминки, что ли.

Еще несколько месяцев назад Злата не потерпела бы таких слов о своей любимой подруге. Но теперь она молчала, соглашалась. С Маншей было несладко. Инна подавляла ее своей серьезностью.

Инна считала, что о личной жизни можно думать только после окончания института. Ко всем студентам она относилась одинаково поварихински. Прежде Злата старалась подражать ей, всегда сохраняя сосредоточенный вид, хотя ей давалось это не без усилий. Теперь она почувствовала облегчение: можно смеяться, шутить, можно отвечать улыбкой на улыбки. Больше того Злата стала замечать, что однокурница Грisha Вакунин как-то особенно поглядывает на нее. Это было приятно, хотя она еще не могла сказать, нравится ли ей Грisha. Но на эту тему она не разговаривала даже с Маншей.

Однажды Маша отозвала Злату в конец коридора и сказала шловоглаго с видом заговорщицы:

— Достала пригласительные билеты в Центральный дом литераторов. Они выгнута из сумочки и показала два билета, отпечатанных на блестящей меловой бумаге. — Будет какая-то дискуссия о проблемах очерка. Но это неважно, зато всех знаменитых авторов.

Злата с восхищением посмотрела на свою новую подругу:

— Как это тебе удалось?

— Знакомый поэт дал. Тимофей Веревкин.

— Где ты с ним познакомилась? — спросила Злата уже с уважением.

— На лыжной станции. Ездил на горнолыжные соревнования. Он там какой-то газетчик был, отчет писал. Стихов его я в журнале и встречала. Он говорил, что недостатка пока больше в ведомственных изданиях. О спорте пишет ли уже не помню, о чем. Но он член Союза писателей и может доставать любые билеты. Ты какие платые достанешь?

— Сине.

Оно было у Златы единственным выходным.

Маша рассмееалась.

— Поняно, ты — сине, я — розовое. — Задумалась, складывая подруге с ног до головы. — Я в розовое уже два раза ходила. Знаешь что, рост у нас одинаковый, фигура примерно тоже. Давай попробуем: я примерю твою сине, а ты мое розовое.

Злате это предложение понравилось: синие платки ей тоже успели понравиться.

Вечером Злата с волнением вошла вместе с Маншей в Дом литераторов. Старенький швейцар в не по росту длинной, шитой золотом пальто приветливо встретил их, сдвинув длинный зинчик в сторону.

— Еще только собираются, — доверительно сообщила он.

— Он тебя знает? — шепотом спросила Злата, когда они спустились по лестнице в гардероб.

— Наверное, обознался, — призналась Маша. — Я здесь только два раза была.

В гардеробе сдавали пальто на вешалку двое пожилых мужчин. Злата бросила на них быстрый взгляд: интересно, но кто они?

Она знала по портретам только немногих известных писателей. Посмотрела вопрошающе на Машу, та в ответ пожала плечами.

Поднялись наверх. Дежурившая в входа пожилая женщина сурово оглядела девушек и громко спросила:

— Кто вам два билета?

Злата покраснела, а Маша сказала с деланой небрежностью:

— Поэт Веревкин. Он еще не приходил.

Дежурная зачем-то очень внимательно осматривала билеты и мрачно разрешила:

— Проходите.

— Веревкина здесь все знают, — пояснила Маша, когда они уркнули за дверь. — Он в какой-то секции что-то делает.

Маша уверенно держалась в лагитном пальто, которое она успела ушить в бочках. А Злата чувствовала себя неловко, как неприветливая гостья. Но все же было очень интересно. Она заглянула в зал, увидела стены, отделанные резным дубом, покрытые приглушенными узорами коаины, огромную акустру, в хрустальных подвесках которой переливались разноцветные огоньки. Народу пока было немного — человек семь в первом ряду, да на нескольких стульях асжалки надорванные пригласительные билеты.

Маша с видом всезастегады вошла в зал, заняла два стула во втором ряду, потом потянула подругу назад, в коридор, к стенной газете.

— Тут замечательные карикатуры бывают! — шепнула она.

Маша увидела изображение известного поэта с чернойбурой лысой вокруг шеи, автора партизанской повести, с длинной пепельной бородой, популярного драматурга с нимбомом святого вокруг головы.

Подруги принялись читать стихотворные подписи. Злате казалось, что она попала в какой-то особый мир. Все пронизывало имена этих литераторов с уважением, а здесь над ними так остроумно подтрунивают.

Газета занимала всю стену коридора. Трое мужчин среднего возраста останавливались у статьи с призывным заголовком «Больше

произведений, меньше деклараций» и почему-то принимались громко смеяться. Злата бросила осторожный вопрошающий взгляд на подругу, но лицо Маши тоже выражало недоумение. Впрочем, секрет тут же раскрылся.

— Ой, уморил! — сказала один из читателей. — Сам-то какой год ничего не пишет и спит с овердидею декларацией выступил! Вот уж не в бровь, а в глаз само себе!

Злата тоже решила улыбнуться, хотя подлила под статью бирюгой ей не говорила, эту фамилию она встречала впервые.

В зале раздался длинный, призывный звонок. Подруги поспешили на свои места.

Возле круглого стола стояла невысокий упитанный человек с взъерошенными вокруг лысины седыми волосами. Могучий широкий индик дадал фигуру толстяка почти шарообразной. Лицо его светилось от удовольствия.

— Кто это? — шепнула Злата подруге на самое ухо.

Та вместо ответа протянула билет. Улы, напечатанная крупным шрифтом фамилия таже ничего не говорила Злате.

Звонк прозвонил несколько раз. Толстик предложил избрать президиум. После жидких аплодисментов все присутствующие потянулись к круглому столу, и Злата с трепетом подумала, что в публике останется только она с Маншей. Затем толстик с тем же умиланным выражением лица сообщил, что докладчик заблела и поэтому давал доклад придется ему самому.

Злата припомнила поправившиеся ей за последние время очерки. Интересно: правда ли она в своих оценках? Она стала перебирать в памяти фамилии очеркистов, чьи произведения ей особенно запомнились. Но это оказалось напрасным трудом: все выступившие почему-то разбирали какую-то ведомственную брошюрку и хилили друг друга, повторяли на все лады, что в литературе сказано какое-то новое слово.

Было очень скучно, куда скучнее, чем на вечерах самой серьезной музыки. Единственным развлечением было следить за

тем, как лысина толстяка отражает разноцветные огоньки люстры.

Перышка не объявляли, видимо, из опасения, чтобы не ушел кто-нибудь из участников обсуждения. Маша откровенно позавидовала.

Затяну увлечение литературой оказалось кратковременным. Подруги побывали на двух вечерах, но так и не увидели ни Фадеева, ни Твардовского, ни Симонова, ни Исаковского, ни других известных писателей.

Потом Маша попыталась вовлечь Злату в студенческий научный кружок. Злата взяла одну тему, поработала над ней с месяц, высказывая несколько критических замечаний руководителю, но затем к теме охладела. Быть может, это и послужило причиной разлада между подругами.

Несколько раз Злата побывала в кино с Гришкой, но увлеченья им не удалось. Гришка в разговоре почему-то никак не мог выйти за круг учебных дисциплин.

Потом она подружилась со своей однокурсницей Аллочкой. Аллочка отличалась здравым здравием, но была очень мнительной и постоянно гадала как-то по рошкки и крупины, чтобы не захорать ангиной или свинкой, потому что крупом, по ее убеждению, свирепствовали эпидемии этих болезней.

— Болезни надо не лечить, а предупреждать. Еще великий Пирогов говорил: будущее принадлежит медицине предупредительной, то есть профилактической, — часто повторяла она с убеждением.

Однажды Аллочка оставила Злату в коридоре и радостно сообщила:

— Я узнала адрес одного знаменитого врача. Погдем к нему вместе!

— К врачу? — удивленно переспросила Злата.

— Понимаешь, это знаменитость. О нем говорят вся Москва. Просто чудотворец. Погдем на консультацию. Он за это ничего не берет.

— Но ведь я совершенно здорова, — решительно возразила Злата: ей уже самой захотелось посмотреть на знаменитость.

Вечером подруги вошли в подъезд старинного дома. Лестница была тускло освещена лампочкой, висевшей где-то на втором этаже. Пахло копками. Окрашенные масляной краской стены были давно не мыты.

Злата заметила с улыбкой:

— Что-то медицина здесь не дружит с санитарией!

Аллочка бросила на нее уничтожающий взгляд.

На резной дубовой двери выделалась бронзовая табличка: «Доктор Иоаким Аркадьевич Феоктистов». Им открыла пожилая женщина в туго накрашенном перднике и такой же наколо на волосах.

— К доктору? — спросила она привычно вежливым тоном. — Подождите, пожалуйста.

В передней стояло несколько полукресел в полотняных чехлах. На круглом столике, покрытом зеленой, уже выцветшей от времени и порываемой скатертью, лежало несколько истрепанных журналов.

Женщина нажала кнопку звонка, давая знать доктору, что прибыли пациенты, и скрылась за одной из дверей.

Девушкам пришлось просидеть минут пятнадцать. Наконец распахнулись двери кабинета и показался знаменитый врач — мужчина лет пятидесяти в белом халате, из наружного кармана которого выглядывало стеклышко очков. У него были пыльная седая шеваюра и холеное лицо.

— Вы вместе? — осведомился доктор звучным, приятным баритоном. — Просту. Комната вовсе не походила на кабинет врача. Большая письменный стол красное дерево с бронзовыми украшениями на дверках. Книжный шкаф, сквозь стекло которого виднелась корешки с золотым тиснением. Овальный стол, накрытый красной лаковой скатертью. Кресла в полотняных чехлах. В углу старинный секретер розового дерева с большим фарфоровым медальоном, на котором были изображены амуры, порхающие над голубой замечтавшейся девушкой, и щедрыми лепестками вокруг украшения из золотой бронзы.

Врач указал девушкам на кресла, сам сел верхом на стул, стоявший у письменного стола, положи подбородок на скрепленные руки.

— На консультацию? — спросила она и продолжила, не дожидаясь ответа: — В вашем возрасте люди еще редко думают о здоровье. Хватятся к сорока годам, а смотрят, здоровые уже и загнуты.

Говорила он долго, приглядываясь к тембру собственного голоса. Рассказал о своей системе лечения, в которой, по его словам, есть элементы гомеопатии.

Внимая, я и алаюнит, — тут же добавила врач. — Одному больному помогают большие дозы лекарств, другому — только минимальные. А еще я лечу травмы. Говорят, — он улыбулся, — что в связи с этим

меся в Москве изыскать делом. Я не возражаю. В этом есть как-то, и бы седая, партизанская эскотина. Не правда ли? Итак, мой метод заключается в том, чтобы прежде всего тщательно, глубоко изучить организм больного. Вы же в медицинском училище? На историческом? Я сам когда-то увлекался историей. — Словно между прочим он помину о нескольких поразительных случаях исцеления больных. Называл фамилии известных певцов, артистов, художников, потом вернулся к генералам.

Во время своего рассказа поворачивал голову то вправо, то влево и следил за

выражением лиц девушек. Они сидели неподвижно, сложив руки на коленях, внимательно сконфуженные: ведь доктор говорил, что видит насквозь каждого человека.

— Я стараюсь помочь организму побороь болезнь, — продолжала он, полновесным вниманием. — Ведь его защитные силы чрезвычайно велики, надо только не позволять болезни ослабить их.

Он говорил уже с час. Злата косила глазом на дверь, надеясь, что, может быть, наконец придет какой-нибудь другой пациент. Но почему-то в этот вечер в приемной знаменитого врача было пусто.

— Пока вам моя помощь не нужна, — заключила он наконец. — И надеюсь, что она понадобится не скоро. Но вот вам на всякий случай один рецепт. На ломех — Повернулся к письменному столу, быстро набросал что-то на бумажке, протянул Ала, которая слушала его все время, как зачарованная. — Это от гриппа. Если заболите, купите в гомеопатической аптеке. Если яши дела этим средством пользовались, я еще немного усовершенствую. Сейчас оно испытывается в нескольких камишках.

Девушки хотели попрощаться, но врач открыл толстую книгу, похажу на бухгалтерскую, записал фамилии и адреса посетительниц и в специальной графе вывел особенно тщательно «бесплатно». Любезно проводил до передней, сделал вид, что хочет пожать пальто. Просил закончить без всяких стеснений, улыбуясь, что со студентом вообще платы не берет.

— Сам был студентом, — добавил он с улыбкой.

Когда подруги вышли на улицу, Ала робко спросила:

— Какое он на тебя произвел впечатление?

— Доктор очень симпатичный, — сказала Злата.

Всере она забыла об этом визите и поэтому очень удивилась, когда через полдела ее позвали к телефону, висевшему в коридоре обшестия, и она услышала голос Иоакима Аркадьевича.

— У меня правило — проверить здоровье моих пациентов, — рожкала он баргтон в телефонной трубке. — Как вы себя чувствуете? У вас все такой же прекрасный цвет лица? Давно хотеа вам позвонить, да стеснялся, боялся, чтобы вы не приняли за старческую назойливость. — Он самодовольно рассмеялся.

Злата сначала робко пролетела, что скоро надо будет готовиться к завтраку, но потом, сама не зная почему, согласилась захватить.

— Ваша милая подруга тоже хорошо себя чувствует? Нет, присягаете одна, ее здоровье я проверю как-нибудь в другой раз. Жив вас в воскресенье, часов в двенадцать.

(Окончание следуют)

Расул ГАМЗАТОВ

ДОРОГА

Однажды в горах всадник встретил
мне,
Он важно и гордо сидел на коне...
В зубах папироса, за поюсом злет,
На пешик он даже не хочет смотреть!
А ездиа паестесе по кручам пошком
Усталая женщина мелким шагком.
Она, задыхаясь, ребенка несет.
Как слезы, с лица ее капает пот.
Я вспоминаю: из Чоха и он и она,
С базара торопятся муж и жена...

Смотрю, от стыда и от гнева горю:
Четвертый десятк идет Октябрь!
Так даго стола я и вселел им гядеа:
Как много еще недоделанных деа
Тебе предстоит, мой бичующий стих,
Чтоб нам не краснеть за джигитов своих!

Перевелен с аварского

Е. НИКОЛАЕВСКАЯ
и И. СНЕГОВА.

Рисунок Л. Хайлова.

ТАРАСУ ШЕВЧЕНКО

Тарас Григорьевич!
 Я к Вам приехал в Киев
 Из города, в котором столько лет
 Творили Вы и жили.
 Шают привет
 Вам старые друзья и молады.
 Привет от Чернишевского проспекта,
 От улицы Некрасова поклон
 И улицы Белинского...
 От всех, кто
 Заветной песней Кобзаря пленен.
 Привет от Академии художеств,
 Где Вы скорбели с музою своей
 О шелесте далеких тополей,
 Где стон народа душу Вам тревожил.
 Поклон от первокаленинских мостов,
 Что назидать читает Вас строки,
 От русских ласкалой и токарей.
 Повыхих хором: «Стогне Днепр
 Широкий».
 А впрочем,
 Если б стал перечислять,
 Я всех передающих Вам приветы,
 То мне для благодарной цели этой
 Нужна была бы не одна тетрадь.
 Свою любовь к добру,

Презрење к лануку
 Вы заехали залому ю зря.
 Наградоу Олгу Кошеву
 Вручаа учителю килту Кобзаря.
 Стрлянич кнлги с Вашими стихами
 Намока кровью в сумке поасовой.
 В с нами Днепр форсировали.
 С нами
 Шли в Капев,
 Вызволяли Киев своєю!
 О, как пригож сегодня
 Сметый Киев,
 И как прекрасна Украина вей!
 К Вам из России
 Реки голубый
 Приходит, вдвохноение нес.
 Из всех республик нашего Союза
 Народы поасывают Вам привет,
 И чувствуе вольче мирных лет
 Поэта вечно моладого муза.
 Тарас Григорьевич!
 В семье вайкой, вольной
 В с моладыи,
 Стали моладыи,
 Шагете по улицам раздольным
 И думам уамбаете своим.

ВЕЛИКИЙ КОБЗАРЬ

(К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ТАРАСА ГРИГОРЬЕВИЧА ШЕВЧЕНКО)

Триста лет назад в историческом акте, принятом Петербургской Радой, осуществлены вековые народные мечты: Украина и Россия соединены в одной великой империи. За эти годы дружба украинского и русского народов выдержала испытание временем, росла и развивалась. Крепли культурные связи двух народов.

Славной вехой на этом долгом пути возмужавшей творчество великого кобзаря, революционного демократа Тараса Григорьевича Шевченко.

Первые шаги в искусство и литературу, сделанные Шевченко, были возможными лишь благодаря его русским друзьям. Карл Брюллов, Жуковский, Венецианов, Сошенко — каждый по-своему принимал самое непосредственное участие в судьбе молодого живописца (потенциальный талант Шевченко раскрылся позднее). Они помогли юноше освоиться в кругу крестников, содействовали развитию его художественного мастерства. Трудно переоценить идейное влияние на мировоззрение Шевченко таких выдающихся русских мыслителей, как Белинский и Герцен, Чернышевский и Добролюбов. Именно их идейно-эстетические принципы, составившие в те годы вершину общественной мысли, пронизывали поэтические творения Шевченко, помогали ярко выразить души и чаяния народа.

Любя украинский народ, скорбя о его тяжелой, подневольной участи, гневно обличая крепостной организации, Шевченко был чужд нации и расовой ограниченности. Ему одинаково были ненавистны помещики — и русские, и украинские, и польские. Он резко выступал против помещичьих-шляхетских высказываний Кулиша, ратовавшего за разделение народов, за «особые пути» развития украинской культуры. В этой борьбе Шевченко был поддержан Добролюбовым.

Много негласных испытаний вышло на долю Шевченко в годы крепостного рабства и в дальнейшие годы. Но поэт прошел и сквозь все маразматические пробы России с гордо поднятой головой, сохраняя веру в торжество великих идей, которые отставали, за которые страстно боролся.

Глядя на мир глазами революционного демократа,

кратка, Шевченко прекрасно сознавал подлинную причину барского поношения крестьян. Быстро, «как дым, как утренний туман», исчезли юношеские иллюзии о патриархальности.

Памятник Тарасу Шевченко в Киеве.
 Фото В. Игнатьевича.

хальной Украине, о том, что стоит лишь избавиться от царского гнета, и на украинской земле наступит благоденствие. Так назалось ему лирику из петербургского далека. Приезд на Украину расстал эти представления. Под со-

мненными кровлями милых его сердцу мазанок он увидел столько горя и слез, столько жертв несправедливости, столько унижений, что изменить жизни, нужно разрушить весь помещичий-крепостнический строй.

Песни и думы Шевченко близки к народной украинской поэзии. Они так же мелодичны, просты и пронзительны, так же глубоки по мысли, как песни, сложенные народами. Это крики боли, где видна сама жизнь, данная без прикрас и добавлений. Устами Шевченко — этого востичну народного поэта, как заметил М. Горький, — говорит сам народ — творец естественного языка на земле.

Уже перал кнгу Шевченко, «Кобзарь», вышедшая в 1840 году, пронзала ошеломляющее впечатление на современников. Переломное лето того времени, русская и украинская молодежь, восторженно приветствовали рождение замечательного поэта, чья гневная и страстная мысль была в каждой строке задушевных песен и дум. Шевченко выступил как открыватель нового, доселе невиданного мира, мира мысли и чувств родного ему простого украинского народа.

Украинскими помещиками, националистами, реакционными петербургскими критиками претерпела «музыкальная несправедливость» его поэзии, они смертельно болели ее революционизирующего влияния на простых людей и вчасени носились погубить.

Грустные раздумья Шевченко об ушедшем героическом прошлом, безрадостные картины, в которых отражена современность, действительность эта грусть лишь ярче оттеняет мечты поэта о светлом будущем.

Воспевав в исторических поэмах «Тарасова ночь», «Гайдамаки», «Гамалея» выступления крестьянских масс и назидая против гнета панов-помещиков, Шевченко подводит и мысли о неизбежности, необходимости восстановления великой род украинского народа воспевав братство народов. Бывая в исторических поэмах местность польских народов, огонь и мечом разорвавших украинскую землю, поэт звал к дружбе с простыми людьми Польши.

Поэт высоко ценил трогательную заботу, которую проявляли к нему его русские друзья. Именно они — президент Академии художеств граф Федор Толстой, поэт Алексей Толстой, братья Иемчужниковы — после долгих трудов добились возвращения Шевченко из ссылки. Приезд его был радостно встречен передовой петербургской общественностью. Молодежь восторженно приветствовала появление Шевченко на литературном вечере.

Это была не только радость при виде вырванного из неволи поэта, но и политическая демонстрация.

Ссылка подорвала здоровье Шевченко, но не уронила его востичнующего революционного духа. В «Дневнике», которую поэт оставил после заветные мысли, в поэмах «Необытны», «Юрдывиль», «Марина», в стихах, написанных в последние годы жизни, Шевченко с новой силой выступил против деспотизма в любых его проявлениях, идеям разделял взгляды русских революционных демократов.

На одном из вечеров Шевченко прочел стихотворение, посвященное смерти адвостуэвской императрицы, которое кончалось строками:

— А люди сами
 Сумеют справиться с царями —
 Их к плахе сами поведут!

К последним отрядным событиям в жизни Шевченко относится его короткая, но яркая встреча с замечательным негритским трагиком Олафом Ольсендом и другими учеными в Париже в России. Быстро познакомились два бывших раба, нашли общий язык, пели друг другу песни — один негритским, другой украинскими. Шевченко нарисовал портрет великого артиста, находившийся сейчас в Третьей национальной галерее.

Занимаясь поэзией, Шевченко в последние годы жизни изучил грамотное дело и достиг в нем такого успеха, что в 1860 году ему присвоили звание академика грамотной оферды. Любовь и великому кобзарю Украины, чье творчество только в советское время стало достоянием всего народа, крепнет год от года. Миллионными тиражами на десятках языков выходит его книги. Города и холмы, улицы и учебные заведения названы его именем.

Советские люди знают чуть ли не каждого поэта, участвовавшего в борьбе за свободу и дружбу народов.

В дни, когда все народы нашей необъятной Родины отпевают 300-летие великого воссоединения Украины с Россией, снова и снова звучат слова любви и благодарности славному сыну украинского народа, жизни и творчество которого наступили неизбываемый след в истории двух братских народов, навеи связанных нерасторжимыми узлами дружбы.

Ю. ИВАЩЕНКО

ПОД ЮЖНЫМ НЕБОМ

Путевые заметки

Летом прошлого года пароход «Миргород» шел с Балтики к берегам Советского Дальнего Востока. Наш путь лежал через восточные моря и три океана. Значительная часть его проходила через тропики. Экипаж судна в большинстве состоял из молодых моряков-комсомольцев, совсем недавно окончивших мореходные школы и увидевших и впервые принимавших участие в дальнем плавании. Много интересного увидели они в этом рейсе.

Пожалуй, у всех нас самое сильное впечатление осталось не от картины роскошной тропической растительности Нейбоя или своеобразной красоты Сингапура, а от ужасной нищеты и бесправия народа в колониях и зависимых странах. Никто из нас не мог себе представить такой видовой нищеты, такой эксплуатации народа, какую мы видели в Порт-Саиде, Суэзе, Адене и других южных портах, куда заходили наш корабль.

Темная южная ночь уже наступила, когда на горизонте стали заметны огни Порт-Саида. Дневная жара была около сорока градусов в тени, пауба и намокший раскаленный на солнце до того, чтобы нельзя было дотронуться до них рукой. Но и наступившая ночь не принесла долгожданной прохлады: на море был полный штиль, без малейшего ветерка. После десятичасового плавания от Гамбартара до Порт-Саида по волнам Средиземного моря все с нетерпением ожидали прихода в порт.

Подойдя ближе, мы увидели на рейде огни множества судов, ожидавшихся проводки через Суэцкий канал. Порт-Саид — это ворота канала, важнейшей морской дороги, связывающей кратчайшим путем Индийский и Атлантический океаны. По этому пути Англия и другие страны вывозят из колониальных и зависимых стран Востока награбленные там богатства.

Еще на подходе к порту на пристани на катере зонтик. Он повел судно на внутренний рейд порта. С приближением к берегу стали видны силуэты отдельных зданий, вереницы уличных огней и красочные огни рекламы. «Пейте Кока-Кола — это полезно», «Лучшее в мире виски Джона Уокера», «Наши сигареты укрепляют здоровье» — насаживали вешали они. Катер о Кока-Кола, который в Америка возит во все страны и рекламирует как приятнейший и полезный напиток. Я пил эту бурю, пазлущую мылом жаждость, но так и не смог понять, что же такое и в ней приятного и полезного.

Подшел катер с египетскими полицейскими, и один из них поднялся на борт судна. Его обмундирование и вооружение несколько вызвали улыбку. Несмотря на жару, он был одет в толстую сухонную шивель черного цвета с белой перевязью через плечо, на которой висела небольшая сумка.

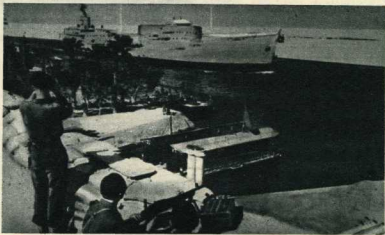

«Механизация» двадцатого века. Арабы-бурлани на Суэцком канале.

В ней они вместе с лицей хриплат патроны от карабина. Быстро сориентировавшись на судне, полнейший нашел камбуз, вынесла у кока ужин и, забравшись в укромное место за шлюпкой, безмятежно закусила, далеко отставив свой карабин.

Тем временем подошла баржа с товаром для нашего парохода. Ра-

бочие, прибывшие с барже, немного знали английский язык, и мы разговорились. В этой беседе и впервые увидели, с какой глупой ненавистью относятся в Египте к иностранным империалистам. Рабочие, не стесняясь полнейшего, согласно кивавшего гололоу, говорили, что они скоро избавятся от влезомого ита.

Английский сторожевой пост.

С целью размежевать египетский народ, отвлечь его от борьбы за свое национальное освобождение империалисты разжигают религиозную рознь среди арабов. Полнейский, являющийся на судне иереем, оказался христианином. Когда на рассвете прибыла его сменщик — польнейский-мусульманин, то они демонстративно повернулись спиной друг к другу и молча разошлись в разные стороны.

На рассвете стал виден весь порт, обширный, хорошо защищенный каменными дамбами со стороны моря. Нам бросился в глаза характерный детализ почти полное отсутствие механизации. Не было типичной для любого советского порта картины: портовых кранов, веревки машины, подъемников, грузоперевозок. Здесь труд человека так дешев, что кранам невозможно применить механизмы и машины. Все делается вручную, даже самые тяжелые грузозагружающие работы.

Вскоре мы в этом убедились сами. Небольшой буксир потащил к нашему борту две баржи с углем. На них сидело несколько сот грузчиков-арабов. Единственно одежду большинства грузчиков составляли длинные мешки с отверстиями, прорезанными для головы и рук. Другие были одеты в грязные лохмотья, едва прикрывавшие их смуглые худые тела.

Грузчики вытаскивали из воды два длинных тугачских бревна и при помощи веревки укрепляли их в наклонном положении, спустился с борта судна в виде сходен на баржи. На борт поднялся грузчик, осыпавший жиром надсмотрщик с карабином на плечах и лезвием в руках. Но работа все не начиналась: ждали хозяина. К нашему пароходу подошел комфортабельный, отделанный красным деревом и сверкающий медью небольшой катер. В нем под теином сидел в белых джубках хозяин, иля, как его называли арабы, «босс», высокий худой человек с надменным лицом, а в тельных очках-светофильтрах. Надсмотрщик взосмевил к борту, на ходу выгибая брови, чтобы показать хозяину, насколько поднялся на судно. Выяснив, сколько нужно нам угля, «босс» спустился на баржи и собственноручно, не доверяя никому, произвел замеры.

Мы были в недоумении, как же арабы будут поднимать уголь на борт судна. Никаких подъемных приспособлений на баржах не было.

— Неужели они будут ходить по этим, еще скользким от воды бревнам? — спрашивали мы друг друга.

Среди грузчиков, прибывших на барже, было человек десять ребятишек в возрасте десяти — двенадцати лет. Мы думали, что они просто утварились со старшими, чтобы посмотреть наш корабль. Но оказалось иначе. По команде надсмотрщика ребята вытаскивали из кормовой надстройки баржа множество небольших корзин.

Четверо влезли за лопаты и стали насыпать в корзины уголь. Иногда попадались крупные куски угля. У ребят не хватало сил, чтобы поднять их на жердочку. Тогда они выковыривали полугодковые глыбы руками и, напрягая изо всех сил, сваливали их в корзину. Двое поднимали насыпанную корзину и ставили ее на плечо третьего, и он, дошко баланджиром, бегом забирался по бревну на борт судна, а затем, высветив корзину в бункер, бежал по другому бревну обратно.

Вот так «механизация» двудвухтонного неси! И весь так на всем протяжении пути, во всех южных портах...

— Товарищ первый помощник капитана,— обратился ко мне молодой машинист комсомолец Петр Гизатулин,— почему больше всего грузчиков — пожилые люди? Спросите, пожалуйста, у того старика: что заставляет его работать в таком возрасте?

Мы подошли к арабу, худое лицо которого заросло седой щетиной. Он стоял у борта, бесцельно свесив длинные руки и утученно дыша.

— Сколько вам лет? — спросил я его по-английски.

Старик, смущенно улыбаясь и моргая воспаленными, красными веками, быстро заговорил по-арабски.

— Он не понимает английского языка,— сказал подошедший надсмотрщик.

По моей просьбе надсмотрщик перевел вопрос рабочему. Каково же было наше изумление, когда мы узнали, что рабочему только двадцать восемь лет! Другому — с морщинистым лицом и седыми волосами — оказалось тридцать пять. Мы выяснили, что у большинства рабочих такой же возраст. Какова должна быть тяжелая жизнь этих людей, если человек не достигнет еще и тридцати лет, считается стариком!

Как мы узнали, средняя продолжительность жизни грузчика не превышает тридцати лет. Рабочие занимаются артельно на погрузку судна и получают расчет сразу по окончании работы. За десяти — четырнадцатичасовой рабочей день они зарабатывают около шести шиллингов, что, по самым скромным расчетам, едва хватает на полугодичную жизнь одного человека. Но дело в том, что и этот мизерный заработок крайне нерегулярен. По усмотрению «боссов» и надсмотрщика плата может быть убавлена или же негодный рабочий может быть не принят на работу совсем.

Когда объявлялся короткий перерыв, наш камбуз подвергался настоящей атаке со стороны арабов. Судовой повар комсомолец Володя Поповский раздавал все, что у него имелось под руками, но толпа у дверей не убывала. Потом он принес несколько буханок хлеба. Получив лопоту хлеба, арабы быстро прятали его под одежду и убежали, ниша укромное место, чтобы, насколько проглотил кусок, вернуться обратно.

Нашим морякам в эти дни отдавали свои порции грузчикам. Но даже если бы мы раздали все судовые запасы, это была бы капля в море, и мы все равно не смогли бы накормить всех голодных.

Мы хотели пригласить ребята-грузчиков в столовую команды, но надсмотрщик не пустил их. Когда мы с возмущением

Общий вид канала.

спросили, почему нельзя летам пообедать, он, с силой ухватив, заявил, что они «все равно не сумеют оценить любезность русских».

К вечеру, когда погрузка угля была закончена, измученные дефицитом самым изуродованным трудом арабы-грузчики едва волочили ноги. А им предстояло в этот день загрузить уголем еще одно судно. Надсмотрщик грубо подгонял рабочих, убиравших бревно. Несмотря на усталость, им приходилось спешить: иначе можно остаться без работы...

...На второй день подошла наша очередь проходить через канал. Приготовления окончены, якоря подняты, и судно трогается в путь. Проходим мимо величественного здания управления каналом, построенного в арабском стиле, с голубыми куполами и белоснежной каменной балюстрадой вокруг здания. В отвлечении канала виднеются овертнения огромного английского крейсера с жерлami орудий, направленными на канал. Картина, ошеломляющая выдальностью Англии над этим морским путем.

По правую сторону тянется пресноводный канал, снабжающий Порт-Саид питьевой водой. Этот берег Африки зарос пальмами и другими тропическими деревьями, а левый — азиатский — голая песчаная пустыня, откуда даже сейчас веет жаром.

Утром с окрестности канала стали хорошо видны. По берегам встречались арабские поселения, низкие, в рост человека домики, сложенные из глины, с плоскими крышами и крохотными окнами, выходящими во внутренние дворы. А над всем нещадно жаркое солнце.

нием гувернанток играют дети. Владее у берега видны многочисленные яхты и моторные лодки.

По берегам канала встречаются английские военные лагеря. На ровных площадках выстроились ряды палаток. Под навесом сидят за столиками разномысленные офицеры. В воздухе непрерывно гудят тяжелые бомбардировщики. Стремительно проносятся реактивные самолеты.

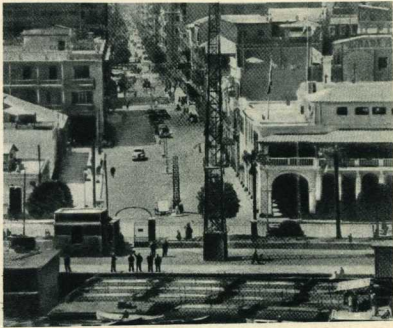
Проходим мимо концентрированного лагеря. Он расположен на плоском песчаном острове, обнесенном по берегу двойными рядами колючей проволоки, с пулеметными вышками по углам. Нет ни одного уголка с тенью на этом страшном острове, а заключенным приходится многие часы работать под солнцем, разбивая каменные глыбы на гранни для строительства дорог.

Когда наше судно проходит мимо рабочих, ремонтирующих откосы берегов канала, они бросают работу, встав во весь рост, долго машут нам и что-то приветственно кричат на своем языке. Из всего каравава только наше судно, несущее алый советский флаг, встречает такой теплый, радужный прием.

Вперед путь через Красное море в порт Аден.

Красное море, имеющее темноватый цвет, вернее было бы назвать Жарким морем. В безветрие нечем дышать из-за странной дурьхоты, а когда поднимаются сильные ветры, то они приносят незлые тучи мелкого песка из пустынь Малой Азии. Особенно тяжело нашим кочегарам и машинистам. Жара в котельном и машинном отделениях около шестидесяти градусов. Несмотря на это, машинная команда, почти вся состоящая из комсомольцев, отлично несет вахты и поддерживает заданные обороты машины. Ни на один час судно не сбавило хода.

Мы идем точно по графику. Вперед у нас еще много дней пути, но с каждой милей мы ближе к любимой Родине, великой стране, где нет эксплуатации человека человеком. Поднявшийся легкий ветерок развевает за кормой гордый флаг страны победившего социализма, к которой устремлены взоры и души трудящихся всего мира.

Порт-Саид со стороны гавани.

➔ Об умелых действиях советских разведчиков в годы Великой Отечественной войны, о том, как они помогали ликвидировать вражескую агентуру, читатель узнает из книги Георгия Брянцева «Тайные тропы» («Библиотека приключений» Детгиза).

Глубокой осенней ночью 1943 года один из партизанских отрядов перахватил фашистских агентов, направляющихся к шефу гитлеровской военной разведки в город, временно захваченный оккупантами. Партизаны решили воспользоваться этим случаем и послали в тыл к фашистам своих разведчиков Ожогина и Грязнова. Служащим патриотам удалось обмануть бдительность врага. Впоследствии вместе с отступающими гитлеровскими войсками Ожогин и Грязнов попали на территорию Германии. Автор показывает также, как американская разведывательная служба, издавна связанная с гитлеровской разведкой, использует фашистскую агентуру в послевоенное время.

➔ Один из лучших мастеров советской сцены и экрана, народный артист СССР Н. К. Черкасов, написал книгу, в которой делится воспоминаниями о своей художественной и общественной деятельности, о встречах и совместной работе со многими выдающимися представителями нашего искусства. Эту книгу, названную «Записки советского актера», выпустило в свет издательство «Искусство».

➔ Международное демократическое движение в защиту мира — самое массовое движение современности. В короткий срок оно охватило все страны и континенты.

Книга П. Минеева «Молодежь в борьбе за мир», выпущенная издательством «Молодая гвардия», рассказывает о том, как прогрессивная молодежь и ее международная организация — Всемирная федерация демократической молодежи (ВФДМ) — борются против угрозы новой войны.

➔ Все прогрессивное человечество с неослабным вниманием следит за героической борьбой вьетнамского народа против французских империалистов.

На борьбу с захватчиками поднялись самые широкие слои населения Вьетнама. Справедливая, освободительная война пробудила в народе новые силы. Из отсталой колонии Вьетнам превращается в самостоятельную, свободную страну. Создание демократической республики является выражением вековых чаяний свободолюбивого вьетнамского народа.

Обо всем этом повествует книга Т. Николаева «Великие перемены во Вьетнаме» («Молодая гвардия»).

➔ На фотографии — длинные ряды стаянок травяных вагонов. Но это не трамвайный парк, а жилой поселок. Здесь, на окраине Сан-Франциско, ютится городская беднота, безработные...

На другом снимке — темная улица города в одном из южных штатов. По ней движется процессия людей в средневековых балахонах с факелами. Число часовых часов в лесу находят труп негра. Его линчевали...

Эти снимки помещены в книге советского журналиста Вл. Морева «За океаном» («Молодая гвардия»), которому довелось побывать в США. Автор приводит много фактов, разоблачающих пресловутый «американский образ жизни», показывающих вопиющие контрасты американской действительности.

Вл. Морев также знакомит читателя с представителями прогрессивных сил современной Америки, ведущих в условиях террора и преследований самоотверженную борьбу за мир и демократию.

Вл. МАСС,
Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

Рисунки Г. Вальна.

Бедной
Федя

Нервный,
то восторженный, то хищный,
Наш знакомый, Кунюлини Федот;
Никогда своей мускулатурой
Никого в восторг не приводит.

Очень уж плохой, незадачный,
Незадастый вид у молодца.
Очень уж болезненно-зеленый
У него, у Федя, цвет лица.

Головные боли,
насморк вечный...
Словом, телом Федя слаб и хил.
Но, представляете,
весь свой жар сорвавший
Этот Федя... спорт посватал.
И, конечно, с этой точкой зрения,
Это важно тут же подчеркнуть,
Федя, как вальсе,—

исключенье,
Но не единичное отнюдь.

Эрудит,
знаток спортивных правил,
Рассказать всегда вам может он,
Ито,

когда,
какой репортр поставил,
чем какой изместил чемпион.

И о спорте лучше с ним
не спорите:
Вы пойдете сразу же на дну:
Федя ведь собаку съел на спорте
И, возможно, даже не одну.
Сильно в этом хилом паре пылат
Этот он,

придя на стадион,
Громче всех вопит:
«Пасуй!..
Мазила!..

Бей же, черт!..
Провозаал!..
С поля вон!..
Там!..

Молодец!..
Давай сначала!..

Если мяч у чужих-нибудь ворот,
Сильно б глоток сразу
ни кричалю,
Все равно он всех переорет.

Он следит за всеми мастерами,
Изнает каждый матч и кресс.
Часто,

по ночам и вечерами,
Он сидит, уткнув в табличку нос.
Что-то чертит,

что-то провередит,
И когда б к нему вы ни пришли,
Он в таблицах этих расставляет
Единным,

винусы, нуи,—
Федя, невзирая на погоду,—
Частый гость всех водных
станций, но...

Ели б сам полуп случайно в воду,
Каменем устремился бы на дно.

Сразу,
он, не успев сказать ни слова,
Он, ныряю,
не вынырнул бы снова.
И понять нетрудно, почему:

Федя вовсе плавать не умеет,
Он все время за других болеет,
Плавать
просто некогда ему.

Даже в вольбой не играет Федя
С уникальной ловкостью медведя.
Мы не говорим уж о коньках!
Он их даже не держал в руках!

Предпочитет Кунюлину Федя
Попататься на волосине,
Федя непременно скажет: «Нет!»
Он посмотрит на волосине
И скажет, даже понасмешет.
Он изатся вовсе не умеет.

Почему?
Понятно, почему:
Он болеет, некогда ему!

В этом отношении и Лыжи
Не нашего Кунюлину близки.
Скажем прямо, без объясно:
Много есть пороков чудово.

Ну, а Федя скажем мы обою:
За друзей болел,
Сам записки спорте любя,
Сам записки спорте любя,

чтобы
И друзья болели за тебя.

Фото В. Ярославцева.

— Шучка!
— Да! Еще одна...

Зимой на реке

Приготовления начались задолго до отъезда. И начались спором.

— Будем ловить на оскумный гила.

— Но прежде надо наловить оскум! Лучше возьмем мотыль.

— Мотыль? Это старей! Ты лови еще дала...

— Чудак! Если хочешь быть на водотором, иди в магазин, купи килограмм оскум! Не бери только соленых не клонит!

— Но вот наконец река. По середине ее, там, где за поворотом, проходит едва припорошенная свежим снежком лыжня. На берегу, метрах в ста отпущены, ровным испод-черным заборами темнеет лес. Дотем из чумоватной лопни-пешни, рубим во льду лыжня.

Приготовлена первая удочка, начинается «разведка». Последнее дело нет, в проуль, спускается припарма. Идем еще. Вот кого-то немота тропает наслуху. Подлавом чуть поковырялся. Рынок! Подвои. На лед вытаскивается пустой крючок с боковой шпунтовой от мотыля.

— Поймай! — кричит приятель.

Разковыряв руками: поца нет.

— Шпунт! А у меня уже есть! — Он с удовольствием поднызывает рукой на лед, где лежат трюфы ершей.

— Только-то.

— Не только! — Он уже час прошел — и ни одной половени. Становится сумно. Незаметный рыльце морозец стал заглядывать в валены, подпыхивать лицо. Трю варевками ценя. Смотр...

ю на товарища. Он соорудил за синней снеговой заслонкой от ветра: ссидывает хворост и сломые пшени; пора варить узу, да и погреться надо масть.

Вдруг знакомый «сноп» заставило меня обернуться. Примерзшая была но льду пробованная ручка удочки — «выболыла» — отскочила от места, где была поставлена, и застряла в лыжня. Белая паутина лески не спеша укорил в воду. Схватил удочку. В горючие сильно дернул. Потому оковалился, потянул слабее. Ничего, мдет. Больными белыми сметываю леску. Метр, второй, третий. На льду поплавок, показалось грузило. А дальше — ни с места. Сильнее тапчу. Бокос лесы тонкая. Манду рукой товарищу: «Иди скорее».

— В чем дело? — Беря багорик. Что-то поймай, вытаскивай не могу.

— Дай я.

— Нет, лучше тыхонью обнови проуль.

Под стук вытаскиваю подтянуть леску. Удается. Телера в воде стелась уже ситанные сантиметры лески. И вот мы оба отпихнули от лыжня показавшись голова пшени.

— Сейчас перегорит леску. Уй-дет.

Т-с-с! Подвои багорик.

Ставлю крючок коренового багря уже в лыжня. И надо же так-тоно случиться — мой товарищ вытаскивает его на ручи! Присохшая манду-пшени, он скользящий на дно. Теперь уже рыбину не вытащить. Рукой в воду! Да рывком вытаскиваю кто-нибудь пшени? Хватит за ручку — палцы не сообраю. Но как же быть? Вспомнить лихорадочно делая петлю из бечевы, опускаю ее в воду. А она не тоет. Направляю ее палочкой. Мы уже так привыкли и безразлично бегла уже в лыжня, но что достало точно ей выплывать хлостом! И...

Но вот наконец вышло «яблоко» на шуче. А она хоть бы что! Но едва начал затягивать петлю, как нам пришлось вспомнить, что имеем дело не с пшеничкой! Однако теперь можно было действовать смело.

Пшеничка крепкая и не переносило минут рыба на льду. Обманчиво было «яблоко» несколько весомей граммов. А в ее пасти мы нашли платку, которая, очевидно, была на крючок, сгорела на мучке удочку, и послужила приманкой для хищника.

К. ВАРЬКИН

СМЕНА В наместе:

Иноуля Тихонов — Советский флаг, Стхки.

В. Чачин — Творчество.

Юрий Мордвинч — «Юнга» готовится и плаванью.

В. Торин — Молодые строители Кива.

М. Водопьянов — О смелости и воле.

А. Соляник — Юсмомолово «Славя».

В. Архипенко — Слово агитатора.

В. Марьяновский — Торпеды готовятся.

А. Одианов — Бузильский аэслом.

Павел Шабунин — Золоченная лыжня. Рассказ.

Ресуд Газаров — Дорога, Стхки.

Восколд Азаров — Тарасу Шевченко. Стихи.

Ю. Иващенко — Великий кобарь.

А. Климентьев — Под жюк-кляе небом. Путевые заметки.

Вд Макс. Мих. Чернышский — Ведый Федя.

На первой странице обложки: Придильница Крепколыской мануфактуры Зина Степанова. Фото А. Уляина.

На четвертой странице обложки: Подрути. Фото Г. Ворсинова.

Оформление номера В. Урния.

Технический редактор О. Шова.

ШАХМАТЫ

Под редакцией мастера Л. Абрамова.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Меньше месяца отведен до начала матча на первенство мира по шахматам между чемпионом мира М. Ботвинником и победителем турнира претендентов прославившимся В. Смысловым. В 1946 году матч-турнир на первенство мира закончился победой Ботвинника. Вторым в этом соревновании сильнейшим был Смыслов. Тогда участники сыграны между собой по 5 партий. В направленной борьбе все встречи Ботвинника со Смысловым. Четыре из них закончились ничью. Только газ покорила позиция с большим преимуществом у одной из сторон.

30. Лей3—1

31. К3:с4 К43:с4

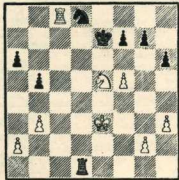
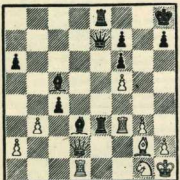
32. Св2—f1

Единственная защита коня g1. Но сейчас, после размена, слоны черных развивают активную деятельность.

32. Лей1—d1
33. Фd2:д1 Лей3—d6
34. Фd1—с2 Сd4—d5

Ладья отойти не может, а слезаватия, черные вынуждают из-за него.

После 35. Ф:с3 Сd4 36. Фd3 37. Ф:с3 С:е3 38. Сd2 С:f3 39. С:f3 Лd2 40. Кd2 Л:а2 б6 белые сдались. Победителем в этой партии оказался Ботвинник.

За истечение 6 лет Ботвинник со Смысловым встречались еще три раза. Дважды ни один из них не смог добиться перевеса. Но в партии из XIX первенства СССР положение было совсем иное. Лучшее Следующим ходом они нападают на пешку.

37. Лd8—b8 Кd6?—f6?

Черные не могли защитить пешку путем 37. Лd6, так как белые, ввиду 38. Л:д6 39. Кd8 40. К:И8, переводили партию в пешечное окончание, вынужденное боювачкой активацией коня короля.

Пешку защитил для черных было 37. Лe1 + 38. Кf4 Лe2, так была нападла на пешку.

38. Кe5—f3

Теперь приходится позаботиться о безопасности коня. Если отойти им на h7, то после 39. Л:е6 + Кр:f3 40. Лf6 белые выигрывают пешку и последующий матр. Другое отступление коня лишь усложнит развязку.

38. Кd8—с6
39. Лd8:а6

Черные сдались, так как чертотур. В этой партии Ботвинник потерпел позорную поражение.

Так аноншируются две результативные встречи между протиничными и предостройкой борьба за звание чемпиона мира.

Главный редактор — М. А. Величко.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-34-24.

Тираж 120 000 экз.

Изд. № 171.

Редакция: В. Азев, Г. Гуля, Е. Долматовский, Б. Егоров, Н. Жуков, О. Кожухова, М. Лукин.

А 00622. Подписано и печатно 27/II 1954 г. Заказ № 384.

Формат бумаги 70 x 106%.

1.75 руб. л. — 4.8 руб. пл.

ПЕСНЯ МОСКОВСКИХ СТУДЕНТОВ

Слова Л. ОШАНИНА.

Музыка А. НОВИКОВА.

Темп вальса

У московских сту-ден- тов горячая кровь,
 Не гад, пухлые ду- ша и светлые ли- ца. От ск-верских снегов
 и днепровских садов со-брались мы в твои об-щ-ества, сто-лицы... ца.
 От ск-верских снегов и днепровских садов со-брались мы в твои об-щ-ества,
 сто-лицы... ца. Мы готовы, от-дадим тебе!

Глядя на тебя, сто-лицы... ца. Мы готовы, от-дадим тебе!

У московских студентов горячая
 кровь,
 Неподкупные души и светлые
 лица.
 От сибирских снегов
 и днепровских садов
 Собрались мы в твои общезнания,
 столица.

Мы готовы, Отчизна, на подвиг
 любой,
 В каждом сердце огня золотые
 запасы,
 Чтобы в жизни большой
 Не старели душой
 Мы от первого курса до смертного
 часа.

С нашим завтрашним днем мы
 ведем разговор,
 Мы берем этот день в свои
 крепкие руки,—
 Ведь не зря на простор
 Смотрят с Ленинских гор
 Наш дворец — величавая крепость
 науки.

Увезем из столицы мы в сердце
 с собой
 Свет высотного дома на старом
 Арбате,
 И дворцы под землей,
 И восторженный рокот галереи
 во МХАТе.

Наш студенческих песен вовек
 не забыть,
 Наш московский закон повесим мы
 по свету —
 Коль дружить, так дружить,
 А любить, так любить,
 Горячей и верней, чем Ромео
 Джульетту!

От весеннего ветра звенит голова,
 Разбегались бульваров зеленые
 ленты.
 Здравствуй, наша Москва,
 Молодая Москва,
 Здравствуй, лучшая в мире
 столица студентов!

Цена
номера
2 руб.

